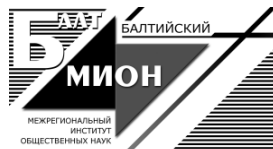

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ XVIII-XX вв.

**БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
XVIII-XX вв.**

**Калининград
2003**

КАЛИНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
БАЛТИЙСКИЙ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
«РОССИЯ И ЕВРОПА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ»
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК им. ГЕРДЕРА (ФРГ)
ЕВРОПЕЙСКИЙ ФОНД «ДИАЛОГ» (ПОЛЬША)

**БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
XVIII-XX вв.**

Тезисы международной научной конференции
Калининград, 10-11 октября 2003 г.

Калининград
Издательство Калининградского государственного университета
2003

УДК 940.2 + 940.5 (474 + 470.26)
ББК 63.3 – 6 (4)
Б 207

Публикация тезисов осуществлена при поддержке фонда им. Роберта Боша и фонда им. Марги и Курта Мёлльгаард (Германия).

Ответственный за выпуск – . . .

Балтийский регион в международных отношениях XVIII – XX вв.: Тез. междунар. конф. – Калининград: Изд-во КГУ, 2003. – 87 с.
ISBN 5-88874-428-X

В сборнике представлены тезисы докладов по различным аспектам международных отношений в регионе Балтийского моря в Новое и Новейшее время, прочитанных учеными из России, Польши, Латвии и Германии на международной научной конференции в Калининградском государственном университете 10-11 октября 2003 г.

Издание рассчитано на специалистов-историков, политологов и краеведов.

УДК 940.2 + 940.5 (474 + 470.26)
ББК 63.3 – 6 (4)

ISBN 5-88874-428-X

© Коллектив авторов, 2003
© Издательство КГУ, 2003

Научное издание

**БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ XVIII-XX вв.**

**Тезисы международной научной конференции
Калининград, 10-11 октября 2003 г.**

Ответственный за выпуск – Юрий Владимирович Костяшов

Редактор Н.Н. Мартынюк
Оригинал-макет подготовлен Л.В. Семеновой

Подписано в печать 26.09.2003 г.
Бумага офсетная. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 5,4. Уч.-изд. л. 3,1.
Тираж 200 экз. Заказ .

Издательство Калининградского государственного университета
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

В.В. Сергеев

Балтийский вопрос в европейских международных отношениях XVIII-XIX вв.

1. Балтийское море относится к категории закрытых морей, как и Черное море. Концепция закрытого моря была сформулирована и закреплена в договорной практике в конце XVIII и в первой половине XIX в. Согласно ей в закрытое море ограничивался доступ военным судам неприбрежных стран. На этих принципах были подписаны русско-шведская декларация 1758 г., конвенции о вооруженном нейтралитете 1780 и 1800 гг., другие международно-правовые документы.

2. В настоящее время прибрежными балтийскими странами являются девять государств: Россия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Германия, Дания, Швеция, Финляндия. На разных этапах истории XVIII-XIX вв. состав субъектов международных отношений на Балтике менялся, но неизменными оставались Россия, Пруссия (с 1871 г. Германская империя), Дания и Швеция. От их взаимоотношений зависела ситуация в регионе. Вместе с тем следует учитывать влияние еще двух небалтийских государств – Англии и Франции. Последняя при Наполеоне I на время стала балтийской после захвата ганзейских городов, подчинения Данцига и Дании.

3. Первая составляющая Балтийского вопроса - борьба за гегемонию между прибрежными странами: а) обладание как можно большими по протяженности территориями (Юго-Восточная Прибалтика, Финляндия, Данциг (Гданьск), Шлезвиг-Гольштейн); б) доминирование непосредственно на море, на морских коммуникациях. Эта борьба за гегемонию нередко приобретала форму военного противостояния, прежде всего между Швецией и Россией. За два столетия они воевали четыре раза: в 1700-1721, 1741-1743, 1788-1790 и 1808-1809 гг., общие потери в этих войнах составили около 300 тыс. человек. Успехи России на Балтике обеспечивали и укрепляли ее ста-

тус великой державы, одного из важнейших участников европейского концерта.

4. Швеция, проиграв спор России, постепенно утрачивала свою прежнюю роль на международной арене. Польша, которая благодаря Гданьску имела хорошие позиции на Балтике, в результате разделов исчезла как субъект международных отношений. Проблема Гданьска теперь составляла предмет особого интереса Пруссии Фридриха II. С начала XIX в. для ослабленной наполеоновскими войнами Пруссии Юго-Восточная Прибалтика стала наживкой со стороны Франции и Великобритании в их антирусской политике. После объединения Германии к концу XIX в. существенно возросла ее активность в регионе Балтийского моря. Строительством в 1895 г. Кильского канала и увеличением военно-морских сил на Балтике Германская империя бросила вызов России точно так же, как она вступила в глобальное морское соперничество с Великобританией.

5. Второй составляющей Балтийского вопроса являются проливы: Большой и Малый Бельты, Эресунн (Зунд), Каттегат и Скагерак, которые соединяют Балтийское море с Северным и Атлантическим океанами. Контроль Дании над проливами обеспечивал ей до начала XIX в. значительные торговые и военные преимущества в регионе. Последовавшие затем англо-датская война 1807-1814 гг. и войны Пруссии против Дании 1848 и 1849 гг. существенно ослабили ее в военном отношении, а Копенгагенский договор 1857 г., лишивший датскую монархию права взимания сборов за проход через проливы с торговых судов, - в экономическом отношении. С этого времени проливы подпали под действие международного права, установившего принцип свободы торговли и мореплавания. Он был подтвержден совместной декларацией России, Германии, Дании и Швеции 23 апреля 1908 г. о сохранении статус-кво в Балтийском море.

6. Ретроспективный взгляд на сущность Балтийского вопроса подводит к выводу о том, что прочные позиции в ре-

гионе обеспечивали прибрежным державам важные рычаги воздействия на европейскую политику в целом. Утрата этих позиций влекла за собой внешнеполитическую летаргию и превращение в весьма второстепенный фактор международных отношений на континенте.

Ю.Е. Ивонин

Валленштейн и Швеция

Одной из важных проблем истории борьбы за господство на Балтийском море является проблема взаимоотношений Священной Римской империи и Швеции. Ярким эпизодом этой борьбы можно назвать политику главнокомандующего имперской армии во время Тридцатилетней войны Альбрехта Валленштейна по отношению к Швеции. В этой политике прослеживаются два момента: первый – политика Валленштейна как имперского полководца, второй – как территориального князя, т.е. в данном случае как герцога Мекленбургского.

Осенью 1627 г. войска Валленштейна овладели Гольштейном, Шлезвигом и Мекленбургом. Первого февраля 1628 г. Валленштейну даруются титулы обоих герцогов Мекленбургских (с резиденциями в Гюстрове и Шверине). Но ганзейский город Штральзунд, пользовавшийся поддержкой шведов, не подчинился Валленштейну, вследствие чего тот не мог чувствовать себя спокойно в Северной Германии. Хотя Дания капитулировала, вскоре было заключено перемирие между Швецией и Польшей, развязавшее первой руки на севере Германии. Валленштейн, конечно, пытался укрепить позиции империи и свои собственные в бассейне Балтийского моря. Для этого он собирался прорыть канал через территорию Гольштейна. Были предприняты усилия для укрепления Висмара и Ростока. Обладание устьем Одера давало Валленштейну воз-

возможность контролировать такой важный порт, как Штеттин (Щецин). Но Штральзунд оказал имперскому полководцу сопротивление при поддержке шведского флота, а ганзейские города отказались предоставить корабли. Имперско-испанский план укрепления позиций Габсбургов на Балтике не получался. Кроме того, бесчинства войск Валленштейна возбуждали недовольство местного населения, видевшего в шведах своих возможных освободителей.

Пошатнулись позиции Валленштейна как в самой Германии, так и при императорском дворе. Курфюрсты боялись усиления Валленштейна, видя в нем возможного нарушителя имперской конституции. Император Фердинанд II также опасался растущего влияния Валленштейна. Особые усилия против Валленштейна предпринимали глава Католической Лиги Максимилиан Баварский и французская дипломатия. В результате Валленштейн был отправлен в отставку. Эта и другие причины открыли путь шведам в Германию. Успехи шведской армии под началом короля Густава II Адольфа навели руководителей Католической Лиги и императора на мысль о новом назначении Валленштейна главнокомандующим имперской армией. Тактика Валленштейна в военных кампаниях против шведов была скорее оборонительной, даже после гибели Густава Адольфа в битве при Люцене в 1632 г. Затяжная война против Валленштейна была невыгодна для шведов и Франции. Поэтому руководители шведской и французской политики Оксеншерн и Ришелье теперь изменили свою политику по отношению к Валленштейну, который в изменившейся обстановке стал стремиться к установлению имперского мира. Потеря Мекленбурга, отставка и осознание роли случая в игре военного счастья побуждали Валленштейна думать о мире. В силу всех этих обстоятельств он становился решающей фигурой в дипломатической игре европейских правительств. Союз с Валленштейном был нужен Франции и Швеции для усиления их позиций против Империи.

Валленштейн предпочитал находиться со своими войсками в Силезии и Чехии, чтобы прикрывать пути на Вену и, кроме того, защищать принадлежавшие ему герцогства Фридланд и Саган. Учитывая эти обстоятельства, шведская и французская дипломатии начали переговоры с ним при посредничестве саксонцев. Оксеншерна стремился в ходе переговоров побуждать Валленштейна оказывать давление на императора с тем, чтобы тот заключил мир на условиях больших территориальных и политических уступок Швеции. Сам Валленштейн отказался в ответ на предложение шведской стороны получить с помощью Швеции чешскую корону. Переговоры Валленштейна со шведскими и французскими политиками стали очевидны венскому двору, принявшему решение устранить главнокомандующего. Этим убийством император и его приближенные сорвали возможность заключения имперского мира по инициативе Валленштейна. Вряд ли Валленштейн хотел чрезмерного усиления Швеции. Ясно лишь одно, что заключение мира отодвинулось более чем на 14 лет и, возможно, на худших для Империи условиях.

Л.И. Иволина

Швеция и война за испанское наследство

В историографии традиционно история Швеции начала XVII в., т.е. история падения роли шведской державы в Европе, связана больше с военными коллизиями в Балтийском регионе во время Великой Северной войны. Вне всякого сомнения, эта часть огромного общеевропейского конфликта, который составляли обе европейские войны начала XVIII в. – Северная война и война за испанское наследство – нередко по своему значению выносятся на первый план в работах известных специалистов по истории международных отношений этого столетия. К примеру, по мнению Дж. Блэка, Северная

война, а именно решительная борьба между Карлом XII Шведским и Петром Великим и вовлечение в эту борьбу короля польского и курфюрста Саксонского Августа II, а также Фридриха XIV Датского, стала по своим дальнейшим результатам даже более значительной для развития континента. Ведь Россия Петра I была вынуждена тогда решать насущные проблемы своего естественного развития, и столкновение со Швецией в этой связи было неизбежным. В определенном смысле с Блэком перекликается Р. Фрост, который отметил необходимость пристальнее взглянуть на Восточную Европу, чтобы действительно понять природу военных изменений и их влияние на социальные и политические структуры раннего нового времени.

По сути, переход шведского государства на вторые роли в европейской политике был обусловлен двумя факторами. Первый, внутренний фактор, напрямую связан с уникальной природой этой Северной империи. Шведская империя была главным элементом защиты собственного государства. Экспансия шведов в Северной Европе во второй половине XVI – первой половине XVII в. радикально отличалась от имперской экспансии других государств раннего нового времени в том, что она не являлась более или менее спонтанным выбросом национальной энергии, а была ответом на внешние изменения. Швеция была империей по необходимости, результатом политики центральных властей: личная инициатива не играла здесь никакой роли, а завоеванные территории на Балтике и в Германии шведами экономически не эксплуатировались. Естественно, можно заключить, что такая империя не смогла бы долго существовать: внешний фактор способствовал как ее созданию, так и падению.

Второй фактор, внешний, на переднем плане, конечно, связан с потребностями развития Российского государства, деяниями Петра Великого и геополитическими особенностями России. Однако не следует также преуменьшать значение военных событий и дипломатических коллизий войны за испан-

ское наследство, которая занимала тогда преимущественное внимание тогдашнего западноевропейского мира. Фридрих Датский был вынужден заключить мир в 1700 г., и с тех пор, как Карл XII вторгся в Саксонию в 1706 г., внимание Австрии и большинства чинов Империи целиком было обращено к войне против Людовика XIV, стремившегося к нарушению равновесия сил в Западной Европе в свою пользу.

Уже в начале единого общеевропейского конфликта первой четверти XVIII в. Швеция осталась без союзников. Обе стороны, принимавшие участие в войне за испанское наследство, были не против завязать потуже узел противоречий на Балтике и на востоке Европы, дабы исключить непредвиденное вмешательство в западноевропейские дела как Швеции, так и России. Об этом ярко свидетельствуют дипломатическая переписка и личные бумаги правителей, их министров и полководцев. Многие сильные потенциальные союзники основных противников в Северной войне, такие, как Бранденбург-Пруссия, вступали в войну за испанское наследство с чувством определенного принуждения. Вена предпринимала шаги к развязыванию военных действий уже с конца 1700 г., и император Леопольд согласился на то, чтобы курфюрст Фридрих I стал королем Пруссии в обмен на участие в войне против французского короля. На протяжении войны Фридрих был последовательным союзником императора, тогда как в Северной войне мог проводить только дипломатию «качелей».

В итоге, переход шведского государства на вторые роли в европейской политике, состоявшийся в первой четверти XVIII столетия, был обусловлен отнюдь не только слабостью Карла XII или силой Петра Великого. Судьба великой уникальной империи на Балтике в немалой степени зависела и от расстановки сил в Западной Европе. Северная война и война за испанское наследство стали единым системным конфликтом между европейскими государствами того времени, который уже за десятилетия до того создали дворы и кабинеты. Вест-

фальская система международных отношений в Европе, формировавшаяся после 1648 г., переживала в начале XVIII в. кризис, и перегруппировка сил была закономерной.

(2002 .)

В.И. Гальцов

Северная война как фактор европеизации России

Оценка реформ Петра I – одна из постоянных тем российской историографии, в которой, в частности, всеми учеными признается важность роли Северной войны 1700-1721 гг. в процессе проведения преобразований. «Главной движущей пружиной реформы» называл войну В.О. Ключевский, а также П.Н. Милуков, считавший, как и его учитель, что у Петра не было какого-либо общего плана реформ и действовал он в основном под влиянием событий, происходивших на войне и внутри страны. Большинство других историков прошлого и настоящего не столь категоричны в оценке роли войны; в историографии преобладает более взвешенный и многофакторный подход в определении движущих сил Петровских реформ и порядка их проведения. При этом среди историков практически нет разногласий в определении основной цели реформ – это модернизация страны, а поскольку «в новое время в качестве эталона модернизации выступают передовые страны Западной Европы, данный процесс определяется и как «европеизация», что указывает не столько на сущность, сколько на ориентацию» (А.Н. Медушевский).

Роль Северной войны (в европейской, прежде всего в шведской, историографии ее называют Великой Северной войной) в контексте европеизации России можно рассматри-

вать под разным углом зрения. В частности, можно обратить внимание на то, что именно война и ее положительные для России результаты сделали новую империю неременным и важным участником международных европейских отношений на все последующие времена. В этом смысле под европеизацией следует понимать вхождение России и ее внешней политики в круг европейских стран. Специальное исследование этого процесса приводит, однако, к различным выводам и неоднозначным оценкам роли и места России в Европе, которые сложились в результате войны и Петровских реформ.

Известно, что переломным моментом Северной войны стала Полтавская победа, которая кардинально изменила положение России в Европе. Победоносное завершение войны сделало, с одной стороны, Российскую империю одной из великих держав Европы, а с другой – превратило Швецию, безраздельно господствовавшую на Балтийском море в течение более чем столетия, из великой европейской державы в рядовое государство. После Ништадского мира большинство европейских стран пытались сделать Россию своей союзницей. Впервые Россия вошла в круг избранных европейских государств, на которые возлагалась ответственность и контроль за исполнением главных европейских соглашений.

Но с другой стороны, степень европеизации России оказалась довольно относительной. Осуществление давней цели российской внешней политики – выход к Балтийскому морю – не принесло моментальных экономических выгод. Е.В. Анисимов обратил внимание на то, что до второй половины XVIII в. Петербург как торговый порт требовал постоянных финансовых вливаний и исключительных льгот и привилегий, а вся торговля через новую столицу и Ригу практически велась на иностранных судах, то есть, как и при шведах. Заняв свое место в европейской политике, Россия так и не стала органической частью Европы, но сразу же и на все последующие времена была воспринята ею как постоянная опасность. В конце Северной войны по инициативе Великобритании началось

создание мощной европейской коалиции, которая должна была оттеснить Россию от Балтийского моря. «Никогда еще Германия и весь Север не находились в такой опасности, как ныне, ибо русских следует остерегаться гораздо больше, чем турок», - писал в 1721 г. один ганноверский чиновник, находившийся на службе у британского короля. Давая оценку международного положения России после войны, В.О. Ключевский отметил: «И эти столь несоизмеримые исторические величины, как Россия и Западная Европа, стали не только соседками, но и соперницами, вошли в разнообразные прямые соприкосновения и даже вступали в столкновения; по крайней мере одна вовсе не расположена была щадить другую, а другая силилась не отстать от первой из страха стать ее жертвой».

С.И. Михальченко

Балтийская торговля Почепской мануфактуры

Возникновению полотняно-парусной мануфактуры в небольшом малороссийском городе Почепе (ныне в составе Брянской области) способствовало два обстоятельства: во-первых, острая нужда России в собственной парусине; во-вторых, предпринимательская активность владельца города князя А.Д. Меншикова. В 1726 г. Меншиков перевел часть рабочих из своей подмосковной мануфактуры в Почеп, основав таким образом здесь отдельное производство. В 1727 г. князь подвергся опале, и предприятие перешло в казну. Мануфактура находилась в Почепе до 1750 г., когда была переведена в с. Ревны. Главным направлением сбыта продукции мануфактуры были балтийские порты Петербург и Рига. Мануфактура была основана А.Д. Меншиковым в момент, когда российский флот (основной потребитель продукции) еще продолжал активно строиться. Но после 1727 г. парусина перестала быть

необходимой в большом количестве, поскольку строительство кораблей замедлилось. Первым симптомом надвигающегося кризиса стал указ от 25 мая 1727 г. «О позволении отпускать за границу льняную и пакольную (пеньковую) пряжу», который разрешал продавать пеньку за границу с пошлиной всего в 5 % против 37,5 % по указу 1724 г. На 1 декабря 1728 г. в Почепе было готово к отправке 1358 кусков парусины. В 1729 г. отправлено в Петербург производства Почепской, Шептаковской и Узруевской парусных мануфактур 1932 куска парусины.

Адмиралтейская коллегия промемориями от 30 ноября 1731 г., 7 апреля и 19 сентября 1732 г. объявила, что «впредь выше объявленные товары (т.е. парусину и пеньку. - . .), кроме льняного и коровья масла, к Адмиралтейству за - не присылать, а отсылать бы для продажи в коммерц-коллегию» (выделено мной. - . .). Но так как Почеп находился тогда в ведении Коллегии иностранных дел, то пенька была отправлена туда и уже в 1732 г. продана иноземцу Вильяму Эмзелю по 1 рублю за пуд (против 55 копеек за пуд в Адмиралтействе).

В 1732 г. в Почепе скопились 3318 кусков парусины (1639 за 1731 г. и 1679 за 1732 г.) и 10720 1/4 пудов чистой пеньки (3720 1/4 пуда за 1731 г. и 7000 пудов за 1732 г.), а также «масло конопляное и коровье и пакля проемная прямая». Товары эти велено было продавать с торгов «охочим людям». Из Канцелярии министерского правления малороссийских дел в Глухове почепскому управителю Г. Лукину и канцеляристу А. Винскому была послана подробная инструкция, в которой, в частности, говорилось о том, чтобы продавать товары «без убытку интересам Ея Императорского Величества» (из Коллегии иностранных дел продавали с убытком). О продаже необходимо было объявить в близлежащих городах - Смоленске, Калуге, а также в Петербурге и Москве. Продажу производить в Почепе.

По объявлению нашлись желающие: за пеньку по 5 руб. 80 коп., за берковец (=100 пудов) предлагали трубчевские купцы Аксютины, за парусные полотна - брянец Федор Перженцев и стародубец Карп Тищенко по 3 руб. за кусок. Но поскольку, по донесению из Петербурга, там в порту парусину торгуют по большим ценам, решено отправить ее туда, а пеньку, если нельзя будет взять хотя бы по 6 руб. за берковец, продать купцам Аксютиным. 24 апреля 1733 г. пенька была продана по 6 руб. Петру Аксютину и Борису Перженцеву; Родион Аксютин давал по 5,8 руб.

После объявления в Петербурге 16 января 1734 г. оказалось, что все купцы давали по 3,65 руб. за кусок, а англичанин Яков Володимер Гарднер - по 5,4 руб. Решено было отправить полотно в столицу. Послали туда 4783 куска. До Гжатской пристани везли на наемных подводках. В столице после скрупулезных расчетов, по которым себестоимость куска становилась в Петербурге 3 руб. 66 коп., парусина, наконец, была продана Гарднеру по 5 руб. за кусок по указу Сената от 5 сентября 1734 г. Окончательная уплата произведена 25 ноября 1735 г. Так закончилась эта долго тянувшаяся операция.

В 1734-1738 гг. мануфактура выполняла крупный заказ военного ведомства и снабжала войска фельдмаршала Миниха в период русско-турецкой войны. После окончания войны в 1739 г. парусина вновь начала скапливаться в Почепе. По челобитью генерал-лейтенанта кригс-комиссара А. Бутурлина от 7 декабря 1741 г. в Почепе скопилось 4690 кусков полотна. Поскольку в Риге, куда по указу отправлены были образцы полотна, желающих купить его не нашлось, Бутурлин по представлению почепского управителя генерал-майора фон Вейзбаха просит разрешения переправить парусину в Петербург, «понеже по нынешним воинским операциям оное парусное полотно к тамошнему адмиралтейству иногда необходимо быть может». Челобитная Бутурлина осталась без ответа. В итоге пеньку удалось продать в Риге, а парусину отпра-

вили в Коммерц-коллегию, причем себестоимость куска выросла к 1743 г. до 4,25 руб.

В Петербурге вначале объявился лишь один желающий купить полотно (партию в 6500 кусков) - «иноземец» Андрей Томсен «с товарищи» по 3,9 руб. за кусок. Ввиду явной убыточности такой продажи, вновь сделали объявление, теперь уже в газете Академии наук. Явились новые желающие: Виллим Венгор - по 3,95 руб. за кусок всю партию, Эрнст Бардевик - по 4 руб. половину партии, Яган Тимерман - по 4 руб. всю партию. На состоявшемся 19 июля 1743 г. торге Томсен поднял цену до 4,3 руб., а Тимерман - до 4,31 руб. Последнему и была продана партия с прибылью (28 1/2 коп. с куска + 16 коп. пошлина = 44 1/2 коп.). 21 сентября 1743 г. купец уплатил 28015 руб. Так завершилась вторая крупная торговая операция, в которой проданы были полотна производства 1739-1742 гг. О намечавшейся третьей крупной продаже (полотен производства 1743-1746 гг.) в источниках сведений почти не сохранилось.

Итак, из приведенного выше материала следует вывод о том, что продукция мануфактуры шла в основном на внешний рынок, лишь в сравнительно небольших количествах реализовывалась на месте (если исключить поставки в действующую армию).

Источники и литература

1. . Ф. 248. Оп. 29. Д. 1782, 1846.
2. . . Розвиток промисловості на Україні. Ч. 1: Ремесло і мануфактура. Київ, 1959.
3. . . Почеп в первой половине XVIII века (заметки по истории города) // Феодальный город. Брянск, 1993. Вып. 2.
4. . Историко-статистическое описание города Мглина Черниговской губернии... С приложением исторического очерка местечка Почепа. Киев, 1888.

Г.В. Кретинин

**Русская военная администрация
и Кёнигсбергский университет (1758-1762 гг.)**

Двадцать второго января 1758 г. в ходе Семилетней войны русские войска вошли в Кёнигсберг. Через несколько дней была занята вся провинция Пруссия. Русское военное правление установилось на четыре с половиной года. В ведении русских губернаторов оказались все сферы жизни и деятельности местного населения, в том числе и образование.

Отношения между военной властью и Кёнигсбергским университетом регламентировались указом императрицы Елизаветы Петровны, данным «по случаю занятия русскими войсками Пруссии». В нем отмечалось, что «Академия при своих доходах, и как учителя, так и ученики при своих вольностях и преимуществах, ненарушимо оставляются». Университетская, студенты оказались в числе первых жителей провинции, которые присягнули профессура на верность российской императрице. В их числе был и приват-доцент Иммануил Кант, тогда еще только начинавший свою научную и педагогическую деятельность.

Сохранив прежние права и свободы университета, военная администрация тем не менее старалась контролировать его деятельность. Для этого у нее была возможность влиять на назначение профессоров на новые должности. Одним из первых испытал это влияние на себе как раз И. Кант. Русские власти привлекали университетских профессоров для написания од, прославлявших успехи русского оружия, и в то же время строго преследовали тех, кто пытался сочинять стихи в честь прусского короля. В эти годы значительное количество русских студентов (в том числе первый студент Московского университета С. Зыбелин) были зачислены в Кёнигсбергский

университет. Русские офицеры поддерживали отношения с местными учеными, причем не только на уровне личных контактов. Впрочем, столь тесные отношения офицеров и профессуры впоследствии дали основание к появлению некоторых утверждений, не подкрепляемых документами. К ним можно отнести, например, мифологизированный тезис о чтении И. Кантом лекций для русских офицеров. Этот миф имеет широкое распространение среди калининградских краеведов.

Последние полгода русского правления в провинции не отличались какими-то особенностями в отношениях губернской власти и университета. На то были веские причины: частая смена губернаторов, подготовка к передаче провинции прусскому королю Фридриху II. В документах имеются сообщения об отправке русских студентов в Россию. Но отправлены были не все, часть студентов еще продолжила обучение. В России же Кёнигсбергский университет получил дополнительную известность. В последующие годы россияне часто приезжали сюда для получения образования.

В.Н. Маслов

Финляндский вопрос в политике России в XVIII – начале XIX в.

Финляндия, входившая в состав Швеции и находившаяся между Россией и Швецией, была важным фактором в развитии международных отношений на севере Европы. В Северной войне (1700-1721 гг.) Финляндия сыграла роль одного из средств, с помощью которых Россия добивалась утверждения на Балтийском море. Отказ России от присоединения Финляндии - это «плата» Швеции за потерю важных прибалтийских провинций – Лифляндии и Эстляндии.

В следующей русско-шведской войне (1741-1743 гг.) наметилось изменение российской политики в финляндском вопросе. Часть Финляндии отошла к России. Остальная финляндская территория с этого времени вошла в зону военно-стратегических и территориальных интересов Российской империи.

Во второй половине XVIII в. Россия была не прочь использовать процессы, протекавшие внутри Финляндии. Часть местного офицерства развернула движение за национальную независимость Финляндии и выделение ее в самостоятельное государство при поддержке России. Однако большинство финских офицеров и участников Аньяльской конфедерации хотело использовать отношения с Россией лишь для давления на Швецию в целях созыва сейма и расширения автономии Финляндии в рамках шведского государства. Патриотическое офицерское движение потерпело поражение, но помогло России среди прочих причин победить в войне 1788-1790 гг.

В начале XIX в. Россия, опираясь на союз с Наполеоном, воспользовавшись отказом шведского короля примкнуть к континентальной блокаде Англии, начала в 1808 г. войну со Швецией и в 1809 г. присоединила всю Финляндию, решив таким образом для себя финляндский вопрос в рамках внешнеполитических действий.

В то же время закладываются основы для возникновения будущего финляндского вопроса внутри России. Чтобы нейтрализовать антирусские настроения части финляндских жителей и привязать их к Российской империи выгодой нового положения, Александр I даровал Финляндии права автономии. Благодаря этому, Великое княжество Финляндское оказалось в более благоприятном положении, чем другие окраины Российской империи.

Т.Н. Гелла

Скандинавские вопросы в политическом курсе Великобритании в начале XIX века

В истории стран и регионов есть моменты, когда в результате внутренних и внешних потрясений и катаклизмов меняется коренным образом политическая карта этих стран и регионов, весь их облик. Для североевропейского региона таким временем был относительно небольшой период, который в европейской истории называют наполеоновскими войнами.

Начало XIX в. ознаменовало собой новый этап в развитии международных отношений. Все европейские страны были втянуты в вихрь событий, инициируемых наполеоновской Францией. Великобритания неизменно находилась в эпицентре всех важнейших международных мероприятий и действий, направленных против своего злейшего врага - французов. Скандинавским странам в антинаполеоновской борьбе англичане отводили не последнюю роль.

Создавая очередную антинаполеоновскую коалицию, Великобритания была заинтересована в привлечении как можно большего числа союзников. Поэтому участию Швеции в ней Англия придавала определенное значение. Скандинавские вопросы нередко были предметом обсуждения в британском парламенте. Начало присоединения Швеции к коалиции реально произошло в результате секретной конвенции с Великобританией, которая была подписана 3 декабря 1804 г. При этом англичане попытались привлечь шведов на свою сторону, пообещав им денежные субсидии. Однако последние не спешили вступать в военные действия, дожидаясь денежных поступлений. И только 31 августа 1805 г. между двумя сторонами была достигнута договоренность и подписано соглашение о субсидиях, которые англичане предоставляли Швеции за ее участие в кампании на территории Германии. Что же касается окончательного присоединения Швеции к коалиции, то

оно было оформлено шведско-британским договором, который был подписан 3 октября 1805 г. Швеция объявила войну Франции 31 октября 1805 г.

При этом другая скандинавская страна - Дания - стремилась сохранять нейтралитет. Но политика британского кабинета, оказывавшего давление на торговлю нейтральных стран, особенно ставшее ощутимым после провозглашения Наполеоном в ноябре 1806 г. континентальной блокады Англии, проводила к недовольству датчан и ухудшению отношений между двумя странами.

Летом 1807 г. англичане, обеспокоенные переговорами России и Франции в Тильзите, решили нанести удар по Дании. Основная цель, которую преследовала Англия, заключалась в стремлении не допустить, чтобы датско-норвежский флот попал в руки французов. Эта цель определила и последующие действия англичан: Дании был предъявлен ультиматум, который сводился к требованию: либо она заключала союз с Англией и передавала под ее командование свой флот, либо сохраняла нейтралитет, но в качестве залога опять же передавала ей флот. Сроки для принятия решения были минимальными - восемь дней. При этом английский кабинет не отказывался от решительных действий, направленных на то, чтобы вывести датско-норвежский флот из строя.

Второго августа 1807 г. английский флот приступил к блокаде Зеландии, стремясь помешать переброске датских судов для защиты Копенгагена; 16 августа Дания объявила войну Англии. Но англичане, окружив столицу с суши и с моря, потребовали сдачи города. После нескольких дней обороны датчане вынуждены были пойти на заключение перемирия, одним из условий которого была передача датско-норвежского флота Англии. Двадцатого октября англичане покинули страну. Но военные действия между двумя странами еще продолжались почти семь лет и сводились к захвату со стороны англичан датских территорий, перехвату торговых датско-норвежских судов и т.д.

На всем протяжении наполеоновских войн и после них Англия принимала непосредственное участие в решении судеб скандинавских стран.

А.А. Панченко

**Воспоминания участников кампании 1806-1807 гг.
на территории Восточной Пруссии как источник
изучения международных отношений
начала XIX века**

Возможно, что ни период истории Нового времени Европы не вызывал у исследователей столь пристального и постоянного интереса, как начало XIX века, время так называемых наполеоновских войн. В это время активные военные действия европейских государств тесно переплетаются с не менее активной дипломатической деятельностью. Яркий пример этого – события франко-русско-прусской войны 1806-1807 гг. и особенно те, которые происходили на территории Восточной Пруссии.

История этой кампании по ряду причин оказывалась в стороне от внимания российских историков, и до сих пор её официальная трактовка основана на работах А.Н. Михайловского-Данилевского, О. Летгова-Форбека и других. Более основательно события «Первой польской кампании» изучены в зарубежной историографии. Однако опирающиеся только на «свои» немецкие и французские источники авторы этих трудов дают односторонние оценки и делают несколько тенденциозные выводы.

Для преодоления сложившихся стереотипов официальной трактовки с явными вымыслами и умолчаниями необходимо комплексное сравнительное исследование доступных сегодня источников, в том числе и воспоминаний непосредственных участников событий. Они, конечно, субъективны, как и любые

мемуары, однако из них можно черпнуть подлинные детали, порой не отразившиеся в официальных документах. Кроме того, официальные документы, а вслед за ними и официальные историки не всегда объективно отражали реальный ход событий. Сравнивая официальные документы и их трактовку историками с воспоминаниями очевидцев, появляется возможность приблизиться к воссозданию достоверной картины событий.

В сообщении будет проанализирован ряд воспоминаний российских, немецких и французских участников кампании 1806-1807 гг. в качестве источников для изучения международных отношений начала XIX века. Будут также приведены оценки событий, происходивших в то время на территории Восточной Пруссии, данные их непосредственными участниками и современниками.

В.В. Рогинский

**Балтийский регион в эпоху наполеоновских войн
(1805-1815 гг.)**

1. Место Балтийского региона в европейской экономике и торговле в начале XIX в. Политическая карта Балтийского региона в 1805 г.: многонациональные мини-империи Швеция и Дания. Судьба северогерманских владений Швеции. Наполеоновская экспансия и выход наполеоновских войск к берегам Балтики. Участие Швеции в третьей и четвертой антинаполеоновских коалициях. Нейтралитет Дании. Континентальная блокада и Северная Европа (1805-1807).

2. Тильзит, нападение Великобритании на Данию, присоединение Дании к Франции и новая война на Севере Европы – Россия, Дания и Франция (1807 – 1809). Присоединение Финляндии к Российской империи и начало перекройки поли-

тической карты Северной Европы. Революция в Швеции. Избрание шведским престолонаследником французского маршала Бернадота (Карл Юхан). Две войны «на бумаге» – русско-английская (1807-1812) и шведско-английская. Присутствие наполеоновской Франции на берегах Балтики.

3. Оккупация наполеоновской Францией Шведской Померании в январе 1812 г. Союз России и Швеции (апрель 1812 г.), планы антинаполеоновской экспедиции в Северную Германию, встреча Александра I и шведского наследного принца Карла Юхана в Або (август 1812 г.), влияние союзнических отношений между Швецией и Россией на положение в Балтийском регионе во время Отечественной войны. Шведские планы присоединения Норвегии. Российско-шведские отношения и ход военных действий на северо-западном направлении.

4. Война шестой антинаполеоновской коалиции против Франции в 1813 г., участие Швеции в коалиции, датско-шведская война и переход Норвегии к Швеции. События в Норвегии в 1814 г. и образование шведско-норвежской унии.

5. Новая политическая карта Балтийского региона в 1815 г. От многонациональных мини-империй к национальным государствам.

Е.Л. Назарова

**Международное морское право
в свете разорения Балтийского побережья России
в годы Крымской войны**

Хотя основные военные действия Крымской (Восточной) войны разворачивались на Черном море, огромный ущерб в эти годы был нанесен торговому флоту России на Балтийском море, а также на Белом. В 1854 г. к берегам Восточной Балти-

ки отправилась английская эскадра, организовавшая блокаду портов Российской империи. Союзники топили все торговые суда, направлявшиеся в российские порты.

Россия держала на Балтике огромную сухопутную армию, но с моря прибрежные районы оказались незащищенными, в чем сказалась слабость русского флота. Особенно уязвимым оказалось побережье Латвии и Эстонии. Вместо патрульных судов за передвижением кораблей противника следили с берега казацкие патрули. Для защиты от врага жителям прибрежных районов власти раздавали ружья. Вдали от крупных портов английские десанты нападали на селения, уничтожали парусники и рыболовецкие лодки в гаванях и на берегу.

В Белом море англичане уничтожили или пленили торговые суда поморов, возвращавшиеся с товарами из Норвегии.

Возможность организации блокады «для воспрепятствования доступа к неприятельскому берегу» в условиях войны была закреплена в Декларации о принципах морского международного права, принятой на Парижском конгрессе 4 (16) апреля 1856 г. Другой пункт Декларации защищал право частной собственности – обеспечивал сохранность грузов нейтральных государств, а также кораблей, ходивших под нейтральным флагом, - что было следствием больших потерь нейтральных государств. Третьим пунктом (вернее, первым по порядку), записанным в декларации, была отмена каперских лицензий – разрешений на осмотр и арест торговых судов воюющей стороны, которое выдавалось владельцу купеческого корабля другой воюющей стороной. Согласно декларации, преследованием торговых судов противника впредь могли заниматься только военные корабли. Еще до войны подобные конвенции заключались между отдельными странами (Англией и Францией, Россией и САСШ). Однако запрещение каперства давало преимущество стороне, обладающей более быстроходными и лучше вооруженными военными кораблями.

Восточная война показала превосходство военного флота Англии и заставила другие государства укреплять свои силы на море. Война стимулировала совершенствование военного флота России, а также вызвала радикальные изменения в отношениях к развитию торгового флота, в то время слишком слабого и чрезвычайно мало укомплектованного собственными кадрами. Характерно, что одним из организаторов торгового флота и мореходного образования в Российской империи был выходец с Курземского побережья, сильно пострадавшего в 1855 г., Кр. Валдемарс. Будучи специалистом в области экономики флота, он начинал свои теоретические разработки с изучения роли торгового судоходства в хозяйстве прибрежных районов Прибалтийского края. Он же был инициатором организации Общества для содействия русскому торговому судоходству и создания системы мореходного образования в стране.

Размеры ущерба, нанесенного англичанами в 1855 г. побережью Восточной Прибалтики, были столь сильны, что память об этом хранилась на протяжении нескольких поколений. Поэтому, по мере восстановления флота, чрезвычайно актуальным оказывался вопрос о сохранении судов в случае новой войны. Данная проблема волновала российское общество в годы обострения международной обстановки, при появлении реальной опасности начала военных действий, особенно с участием Англии. Так, например, в 1876 г. в российской прессе активно обсуждался вопрос о том, какая участь ожидает русский флот, если в возможной войне с Англией Россия будет соблюдать пункт о капере. Большинство газет и русские дипломаты высказывались за приобретение в Северной Америке (САСШ не подписали декларацию 1856 г.) каперов на случай войны с Англией. При этом вышеупомянутое Общество обратилось к жителям прибалтийского побережья с просьбой собрать сведения «о варварских действиях Англии» во время Восточной войны.

международных отношениях XIX в. – борьбы за гегемонию между прибрежными странами (в частности, Пруссией и Данией). Достижение статуса сильнейшей балтийской державы предполагало обладание как можно большими по протяжённости прибрежными территориями, что в конечном счёте обуславливало господство на Балтике.

2. Вопрос относительно территориальной принадлежности двух прибалтийских герцогств – Шлезвига и Гольштейна - стал серьёзным камнем преткновения в отношениях Дании с германскими государствами в 1840-х – 1860-х гг. Венский конгресс 1815 г. подтвердил их вхождение в состав Датского королевства на основе личной унии, однако Гольштейн был также членом Германского союза. Положение усугублялось тем, что значительная часть населения этих герцогств была немецкого происхождения, и хотя сильно оданизировалась, но этнически тяготела к прародине. Наибольшую активность в шлезвиг-гольштинском вопросе проявляла Пруссия. Ослабленная наполеоновскими войнами, она рассчитывала за счёт датских владений укрепиться в Балтийском регионе.

3. Следствием германо-датских войн 1848-1850 гг. стал Лондонский договор 1852 г., гарантировавший целостность владений Датского королевства. Поводом для обострения шлезвиг-гольштинского вопроса в 1863 г. послужила новая датская конституция, ущемлявшая автономные права герцогств. Воспользовавшись этим, Пруссия в союзе с Австрией аннексировала Гольштейн, а затем и Шлезвиг. Германо-датская война 1863-1864 гг. вызвала сильную озабоченность британского правительства и общественности.

4. Позиция лидера английских радикалов Джона Брайта в шлезвиг-гольштинском вопросе полностью соответствовала внешнеполитической доктрине манчестерской парламентской группировки - левого крыла Либеральной партии, выражавшего интересы промышленной буржуазии. Её основными принципами были осуждение захватнических войн и невмешатель-

ство в дела других стран. Такая позиция определялась следующими факторами: 1) мир способствует промышленному и торговому прогрессу нации; война препятствует созданию международной системы свободной торговли, подрывает национальную экономику, увеличивает налоги; 2) характерная для британских дипломатов политика достижения «равновесия сил» (которая, по мнению Брайта, сама является источником войн) отвлекала внимание общественности от внутривнутриполитических проблем и прежде всего от наиболее существенного для радикалов вопроса демократизации политических институтов.

5. Неоднократно выступая в парламенте и на митингах по шлезвиг-гольштинскому вопросу, Джон Брайт подчёркивал его важность, но одновременно указывал, что решать его должны заинтересованные стороны (то есть Дания и германские государства). Великобритании не следует активно вмешиваться в спорную ситуацию, поскольку она не затрагивает её жизненные интересы. Свои внешнеполитические симпатии Брайт адресовал Пруссии, активно внедряющей у себя принципы фритреда. В целом он не протестовал против увеличения её территории, однако одновременно указывал, что основной целью прусских политиков является желание сгладить революционную ситуацию, сложившуюся в Пруссии в начале 1860-х гг., за счёт разжигания националистических чувств.

6. Намерение премьер-министра Пальмерстона выступить в защиту Дании вызвало сильную тревогу у радикального политика. Опасаясь военного вмешательства Англии в конфликт, он резко критиковал провокационные предложения правительства (например, о посылке британского флота в Балтийское море) и доказывал невозможность решения спорного вопроса военным путём. Однако, не вмешиваясь непосредственно в конфликт, Великобритания может и должна способствовать быстрейшему достижению мира с помощью международного арбитража. Характерны регулярные запросы Брайта

на заседаниях палаты общин по поводу действий британского кабинета в период работы Лондонской мирной конференции 1864 г. На позицию главы манчестерцев сильно влияла обеспокоенность промышленно-торговых кругов возможностью серьёзного подрыва позиций британской торговли на Балтике.

7. Деятельность Джона Брайта и других членов «манчестерской партии» (Р. Кобдена, М. Гибсона) оказала определённое влияние на политику британского кабинета, отказавшегося в конце концов от идеи вооружённого вмешательства в конфликт. При посредничестве Англии 30 октября 1864 г. в Вене был подписан мирный договор: Дания лишалась прав на герцогства, которые передавались в совместное владение Пруссии и Австрии. Таким образом, победу в шлезвиг-гольштинском конфликте одержала Пруссия, получившая после войны с Австрией в 1866 г. в своё распоряжение оба герцогства, что означало значительное усиление её позиций в Балтийском регионе.

М.В. Голованов

Русско-пруссские соглашения 1764 года

Русско-пруссские соглашения 1764 г. - одно из важнейших событий в дипломатической истории Европы XVIII столетия, предшествовавших первому разделу Речи Посполитой. Эта тема хорошо обеспечена источниками и достаточно изучена как в отечественной, так и в зарубежной (прежде всего в польской) историографии. В подготовке данного сообщения использовались, в частности, результаты исследований Б.М. Туполева.

В последней четверти XVIII в. «польская проблема» затрагивала интересы многих ведущих европейских держав: Австрии, России, Пруссии, а также Франции и Англии. Однако

более всего она занимала прусского короля Фридриха II, так как часть его государства (Восточная Пруссия) была отделена от остальной территории Пруссии польскими землями, создавая чересполосицу. Об этом писал сам Фридрих в своих «Достопамятностях с Гугербургского мира, т.е. с 1763 г. по конец раздела Польши по 1775 г.». Вынашивая идею «округления» территории своего государства за счёт Польши, Фридрих не мог реализовать её, опираясь только на военную силу, после того как Пруссия потерпела сокрушительное поражение в Семилетней войне. Вся деятельность прусского короля по реализации этой задачи переместилась в дипломатическую плоскость.

Фридриху Великому нужно было заключить союз с одной из держав, претендовавших на польские территории, чтобы с её помощью осуществить свои аннексионистские замыслы. Проблема выбора союзного государства была решена в тот период, когда на престоле российской империи утвердилась Екатерина II. Как отмечал Ф. Мартенс, Фридрих II напрасно опасался возможности возобновления союза России и Австрии, заключенного ещё перед началом Семилетней войны.

Сближение Берлинского и Санкт-Петербургского дворов началось с 1763 г., когда умер польский король Август III. Ещё до этого между Екатериной и Фридрихом велись переговоры по согласованию кандидатуры на польский престол. В качестве возможного претендента Россия выдвинула Станислава Августа Понятовского. Прусский король, старающийся изо всех сил склонить русскую императрицу к заключению с ним союзного договора, поддержал предложение Петербурга. Более того, в их личной переписке прослеживается откровенное давление короля Пруссии на императрицу всероссийскую; Фридрих II сообщает в Петербург о предложениях заключить союз, поступивших ему из Стокгольма и Парижа. Но особенно примечательно в этом плане письмо от 7 апреля 1764 г., в котором Фридрих убеждает Екатерину во враждебности Австрии и Франции по отношению к России.

Под давлением этих обстоятельств 31 марта (11 апреля) 1764 г. в Санкт-Петербурге были подписаны оборонительный союз с Пруссией и секретная конвенция относительно Польши, основные положения которых сводились к следующему: 1) Россия и Пруссия обязались содействовать сохранению целостности и независимости двух держав; 2) в случае каких-либо вооружённых конфликтов оказывать военную и финансовую помощь друг другу; 3) поддерживать «право вольного избрания» в Польше; 4) защищать польских «диссидентов»; 5) в качестве претендента на польскую корону поддерживать Понятовского.

Данные соглашения были выгодны как России, так и Пруссии и отвечали их планам относительно Польши.

Ю.Л. Михайлова

**Остзейский вопрос в русской прессе и публицистике
накануне и во время Франко-пруссской войны
1870-1871 гг.**

1. Что такое «Остзейский вопрос»? Так называемый Остзейский вопрос был широко представлен в русской прессе в 60-е и 70-е годы XIX века. Это понятие включает в себя довольно широкий круг тем, посвященных обсуждению политического, социально-экономического и культурного положения Прибалтийского края – Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний. Особое место в дискуссии на эту тему занимал вопрос о сохранении особого политического статуса этих губерний, являвшихся своего рода государством в государстве. В период реформ Александра II различия между Остзейским краем и остальной Россией стало еще более очевидным.

2. Основные источники. В обсуждение Остзейского вопроса были втянуты самые различные периодические издания. Основную массу материала содержат «Московские ведомости» М.Н. Каткова, а также печатные органы славянофилов, газеты «День» и «Москва» И.С. Аксакова. Активное участие в обсуждении принимал Ю.Ф. Самарин (его многотомный труд «Окраины России» содержит большое количество материала по Балтийскому региону). Материал по балтийской теме был представлен в основном в виде полемики русских газет с балтийской немецкой прессой («Ревельская газета», «Рижская газета», «Балтийский ежемесячник»). Остзейские издания стояли на охране привилегий немецкого дворянства в Прибалтике и выступали против так называемой «старорусской партии», которую возглавлял М.Н. Катков. В «Московских ведомостях», «Москве», «Москвиче», «Голосе» на протяжении 1860-х годов обсуждается вопрос о необходимости провести в Прибалтике широкий круг реформ: уравнивать Остзейские губернии в правах с губерниями остальной Россией, провести крестьянскую реформу (по образцу реформы 1861 г.), сделать русский язык официальным и проч. В конце 1860-х годов в полемику включаются и прусские издания, в частности печатный орган графа Бисмарка «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*». Прусская пресса использует прибалтийско-немецкие источники, откуда заимствует информацию о притеснении балтийских немцев со стороны русских журналистов и российского правительства.

3. Проблема авторства статей. Остзейскому вопросу были посвящены в основном передовые статьи в газетах, поэтому довольно затруднительным является вопрос об авторстве. Однако в них ясно представлена позиция издателей газет – М.Н. Каткова, И.С. Аксакова, А.А. Краевского, которые объединились в стремлении противостоять сепаратизму немцев в Прибалтике, в желании русифицировать эти губернии, ликвидировать остзейскую автономию.

4. Начало обсуждения – конец 1860-х гг. Франко-прусская война стала своеобразной вехой в истории остзейского вопроса. Немаловажную роль сыграло объединение Германии, которое сказалось и на отношении к прибалтийским провинциям среди различных слоев российского общества. «Московские ведомости», «Голос», печатные издания славянофилов в один голос высказывали опасения, что в случае победы Пруссии немецкое влияние распространится и на Прибалтийский регион, что будет способствовать еще большему отчуждению этих провинций. Уже с конца 1860-х годов в славянофильских кругах обсуждается ориентация остзейцев – балтийских немцев – на Пруссию. С этих позиций трактуется стремление к автономии, особый уклад жизни Прибалтики.

5. Обсуждение остзейского вопроса во время войны. Во время Франко-Прусской войны все отмеченные выше вопросы обсуждаются уже с учетом изменившейся международной ситуации, усиления Пруссии, которая объединяет Германию. В славянофильской прессе и в «Московских ведомостях» звучат призывы к немедленному проведению реформ в Прибалтике, которые способствовали бы уравниванию статуса этих провинций с остальной Россией. Промедление в этом деле укрепляет союз остзейских немцев с Пруссией, с «фатерландом». В спор с московскими изданиями втягиваются не только остзейские («Rigasche Zeitung», «Revalsche Zeitung»), но и прусские газеты («Norddeutsche Allgemeine Zeitung»). Прусскую прессу открыто обвиняют во вмешательстве во внутренние дела России. Все эти издания во время франко-прусской войны безоговорочно поддерживают Францию, ибо победа Пруссии, по их мнению, идет в разрез с русскими интересами в Балтийском регионе.

6. В российской прессе также возникает серьезный спор, касающийся Остзейского вопроса. Славянофилам, «Московским ведомостям», «Голосу» противостоят более либеральные в этом вопросе «Санкт-Петербургские ведомости». Для «Санкт-Петербургских ведомостей» и их издателя В.Ф. Корша проблемы национальной политики, в частности Остзейский

вопрос, тесно связаны с критикой «старорусской партии». Все статьи, посвященные балтийской тематике, содержат полемику с «Московскими ведомостями» и лично с М.Н. Катковым, которого обвиняют в шовинизме и разжигании национальной вражды. Остзейский вопрос признается надуманным. «Санкт-Петербургские ведомости» оказались на стороне тех немногих, кто, солидаризируясь с официальной позицией, высказался за Пруссию.

7. Участие в обсуждении лидеров латышского национального движения. Еще одним аспектом в обсуждении Остзейского вопроса было участие в полемике лидеров так называемого младолатышского движения – национального движения латышской интеллигенции – Кришьянисома Валдемара, Кришьяниса Барона, Юриса Алунана и др. Младолатыши, выступая против немецкого засилья в Прибалтике, очевидно ориентировались на Россию, поэтому также естественно получили поддержку славянофилов и М.Н. Каткова. Наряду с проблемой немецкого господства в Прибалтике младолатышами осознается и проблема ориентации остзейцев на Германию. Свои опасения представители национального движения получили возможность высказать на страницах русской прессы – в «Московских ведомостях», «Современной летописи». В их статьях звучит также протест против бесправного положения латышей и эстонцев в Прибалтике.

8. Заключение. Франко-прусская война стала своего рода катализатором споров вокруг Прибалтики, привлекая через статьи газет внимание русской общественности. Балтийские провинции оказались в сфере внимания не только русской и остзейской, но и прусской прессы. Попытки прусских и германских газет обсуждать вопросы внутренней политики России были раздраженно встречены партией М.Н. Каткова, что воплотилось в новой волне резкой критики в адрес Остзейской системы. Все это в будущем воплотится в отходе от либерализма 1860-х годов и в переходе к политике русификации национальных окраин, проводимой Александром III.

М.Н. Машкин

Восточная Прибалтика и русско-германские отношения 80-х годов XIX века

В последней трети XIX в. отношения между Россией и Германией были важнейшим фактором международной политики. В 1881 г. был возобновлен Союз трех императоров. После утраты значения Союза, несмотря на ухудшение отношений с Россией, по инициативе Бисмарка был подписан с ней секретный договор о нейтралитете в 1887 г. Договоры 1881 и 1887 гг. и определяли русско-германские отношения.

В Германии в 80-е гг. противники Бисмарка в военных и придворных кругах, среди юнкерства и части буржуазии объединялись в борьбе с его курсом. Многие из них отвергали и его политику в отношении России, а некоторые считали неизбежной войну с ней. Антирусские настроения, нередко переходящие в русофобию, страх перед мифической «русской угрозой» распространялись в общественном мнении Германии и использовались в антирусской пропаганде, часто носившей милитаристский характер. В немецкой прессе и публицистике обсуждались перспективы войны с Россией, планы ее расчленения, число таких выступлений выросло во время военнополитического кризиса 1887-1888 гг. Определенное место при этом занимал «балтийский вопрос», т.е. обстановка в Прибалтийском крае России, положение там привилегированного немецкого меньшинства и будущее Восточной Прибалтики.

Ограничение в Прибалтике во второй половине XIX в. русскими властями привилегий немецких баронов и лютеранской церкви встретило активное сопротивление «балтийцев» и их обращение за помощью в Германию, куда они выезжали. Недовольные «балтийцы» развернули там антирусскую кампанию в «защиту немецкой культуры». Они установили тесные связи в военных кругах и среди политиков, некоторые были приняты на госслужбу. Многие «балтийцы» роль часто

выступали в печати по вопросам русско-германских отношений с враждебных к России позиций, вплоть до призывов к войне с ней и присоединения Восточной Прибалтики к Германии.

В немецкой печати, среди политиков, общественностью широко обсуждался вопрос о войне с Россией, выдвигались и предложения об отторжении Восточной Прибалтики, особенно во время кризиса 1887-1888 гг. Даже в либеральном журнале «Гегенварт» философ Э. фон Хартман в статьях в декабре 1887 – январе 1888 гг. писал о необходимости после победы над Россией создать «Балтийское королевство». Тогда же в декабре 1887 г. советник посольства в России Б. фон Бюлов, будущий рейхсканцлер, высказывался за проведение границы с побежденной Россией по линии Онежское озеро – Валдай – Днепр.

Представители верховной власти говорили иначе. В мае 1880 г. кронпринц Фридрих-Вильгельм во время визита в Россию решительно высказался за единство России и поэтому против претензий балтийских баронов. Бисмарк выступал против включения Восточной Прибалтики в Германию, подчеркивал невозможность оборонять Балтийские провинции и придерживался обещания, данного в 1865 г. А.М. Горчакову, не высказываться о русской политике в Прибалтике. Это учитывалось в России.

Сразу после отставки Бисмарка офицер Ф. фон Бернхарди, сын «балтийцев» из Эстляндии, в марте 1890 г. выступил с анонимной брошюрой, где критиковал Бисмарка за сохранение мира, сожалел, что в 1887 г. не был использован благоприятный момент для «превентивной» войны с Россией, призывал рейхстаг вотировать новые военные кредиты и готовиться к скорой войне с Россией, чтобы после победы отбросить ее от Балтийского моря. Эта брошюра вызвала очень широкий резонанс в Германии, привлекла внимание посла России П.А. Шувалова. Поэтому рейхсканцлеру Каприви пришлось опровергать доводы Бернхарди. Но с этого времени укрепля-

лись связи нового кайзера Вильгельма II с «балтийцами», в особенности с Т. Шиманом.

В Петербурге внимательно наблюдали за обсуждением «балтийского вопроса» в Германии, за деятельностью «балтийцев». Учитывался рост германской военной мощи, и в частности флота. Укреплялась оборона Прибалтики, Ковенской и Виленской губерний как на суше, так и на море. В связи с этим строились корабли, рос Балтийский флот, проводились морские учения в районе Моодзунского архипелага, началось строительство военного порта в Либаве.

Б.М. Туполев

Подготовка германско-прусским Генштабом военных действий против России в Восточной Пруссии перед Первой мировой войной и сражение под Танненбергом

Уничтожение 2-й (Наревской) русской армии Самсонова под Танненбергом 26-30 августа 1914 г. в результате ее полного окружения в Восточной Пруссии было объявлено в Германии «новыми Каннами», хотя таковые в соответствии с разработанным начальником Большого Генерального штаба Шлиффеном «учением о Каннах» должны были состояться на Западном фронте. Как утверждалось позднее в немецких «народных» легендах, Гинденбург вместе с Людендорфом, учитывая вялое наступление Ренненкампа, планировали охват южной армии Самсонова, не зная заранее местности в юго-западной части Восточной Пруссии и не создавая «волчьей ямы» для русских у Мазурских болот.

Исторические факты свидетельствуют об обратном. Подготовка к «Танненбергу» была долгой и не напрасной. Об этом говорят материалы командно-штабных учений Генерального штаба, ежегодно проводившихся поочередно в западной или

восточной пограничных областях Германии. При этом Россия и Франция всегда обозначались в роли инициаторов войны.

Герхард Риттер в своем труде, посвященном плану Шлиффена, писал, что хотя плавное наступление в войне Германии на два фронта должно было проводиться против Франции, не прекращалась разработка планов германского вторжения и на Востоке. После Первой мировой войны появились многочисленные исследования, в которых рассматривались самые разнообразные аспекты тактико-стратегического планирования, военных и командно-штабных учений Большого Генерального штаба, где «проигрывались» все мыслимые варианты ведения операций на Восточном фронте, прежде чем начнется поход на Западе: оборона Восточной Пруссии на Мазурских озерах или со стороны Кенигсберга, отражение атак русской армии на Висле, большое германское наступление на Востоке. Уже в материалах командно-штабных учений Большого Генерального штаба за 18 июня 1894 г. говорилось о том, что «намерения командующих германской Висленской и русской Наревской армий и отданные ими распоряжения приводят к решающему сражению между обеими армиями, центр тяжести которого находится благодаря охвату Наревской армии с севера в районе Танненберга». Сражение, развернувшееся (в ходе командно-штабных учений 1903 г.) в Восточной Пруссии южнее Остероде, должно было завершиться разгромом русской Неманской армии в районе реки Зольдау, примерно в 40 км южнее Танненберга.

Таким образом, еще до принятия разработанного Шлиффеном плана войны на два фронта (с учетом резкого сокращения военной мощи России в результате поражения в Русско-японской войне и вследствие первой русской революции) Большим Генштабом были самым тщательным образом просчитаны различные варианты возможного хода военных действий в восточной пограничной области, причем особое внимание уделялось планам разгрома русских войск в юго-западной части Восточной Пруссии, т.е. в районе Танненберга.

Битва под Танненбергом являлась одним из важнейших событий в ходе военных действий на Восточном фронте, но она не стала решающим сражением Первой мировой войны и не имела политических последствий. В то же время в немецкой историографии действия 8-й германской армии изображались как победа, «равной которой не знает военная история». Однако она не повлекла за собой развала российского Северо-Западного фронта и не устранила угрозы нового вторжения русских войск в Восточную Пруссию. Она была не более чем частичной победой на одном из участков театра военных действий. В соединении с последующей победой над 1-й (Неманской) армией российского генерала Ренненкампа на Мазурских озерах битва под Танненбергом имела следствием лишь стабилизацию северной части Восточного фронта.

А.А. Кузнецов

**«Немецкая опасность» в Прибалтике
в правительственной политике и русском
общественном мнении начала XX века**

Национальная политика царизма в Прибалтике, как и по всей стране, претерпела характерную эволюцию от почти полного признания автономного статуса Кур-Лиф-Эстляндии, что было проявлением имперского начала в национальном вопросе, до усиления русификаторского курса с середины XIX в. С конца XIX в. политика на административную интеграцию национальных окраин, обусловленная потребностями модернизации государства и интеграции частей империи, стала распространяться и на Прибалтику.

Российская политика в отношении прибалтийских провинций была по сути своей противоречива. С одной стороны, в ней было заложено стремление к большей интеграции путем отмены привилегий немецко-балтийской верхушки в пользу

латышей и эстонцев, но одновременно власти стремились предотвратить социальную и политическую нестабильность. Это возможно было обеспечить в крае лишь с помощью все той же немецко-балтийской элиты. Революция 1905 года, с размахом массовой социальной борьбы, привела российские правящие круги к пониманию того, насколько их интересы тесно связаны с интересами немецкой землевладельческой верхушки Прибалтики. В это время от политики лавирования и баланса между интересами местного населения и немецких землевладельцев и горожан власть временно перешла к политике опоры на немецкую аристократию в крае. Говоря словами эстляндского губернатора Лопухина, «противоборствуя господству русской национальной идеи, немецкая народность в Прибалтике вместе с тем была оплотом не только порядка, но и самодержавия». Это проявилось, в частности, в Думском избирательном законодательстве, последовательно увеличивавшем немецкое представительство с 5 до 13 депутатов.

Однако в период между двумя революциями тема «немецкой опасности» в Прибалтике активно инициируется уже русскими националистическими общественными кругами, что было вызвано как остротой Остзейского вопроса, так и обострением русско-германского противостояния в Европе. Примером может быть активно буддировавшаяся в Государственной думе и в правой публицистике с 1909 г. тема «немецкого засилья» в государственном управлении и ограничения немецкого землевладения в России.

Начало Первой мировой войны побудило власти эти настроения поддерживать. Антинемецкие погромы, охватившие страну в августе-сентябре 1914 г., если не инициировались правительством, то во всяком случае не пресекались. И хотя прибалтийские немцы заявили о своей верности России, правительство начинает проводить политику вначале косвенного, а с 1915 г. прямого ограничения немецкого доминирования в хозяйственной, социальной и культурной жизни края. Эта линия получает поддержку в центристских и правых обществен-

ных кругах, публицистике. Ложные страхи подогревались жупелом немецкого шпионства и подозрениями в массовой нелояльности немецкого населения Прибалтики. Последнее привело к осуществлению ряда войсковых мер по укреплению тыла русской армии в Остзейском крае, депортации из прифронтовой зоны немецкого населения, усилению полевой жандармерии за счет полицейских сил, мобилизованных в русских городах, и в частности в Петербурге. Указанные меры лишь нарушали хрупкий баланс сил в Прибалтике, вели к росту прогерманских настроений среди местного немецкого населения. Между тем нехватка полиции в столице в февральские дни 1917 г. стала одной из причин столь необратимо быстрой победы вооруженного восстания в Петербурге.

К.Н. Колмагоров

**Место польского вопроса во внешней политике
Англи после Первой мировой войны**

Исчезновение старых континентальных империй, распад и появление на их обломках новых государственных образований открывало правительству Великобритании, страны, победившей в составе Антанты в Первой мировой войне, перспективу закрепления своего влияния в послевоенной Европе и вместе с тем ставило перед Лондоном целый ряд вопросов, решение которых требовало безотлагательных действий. Клубок проблем, опутавший Европу после окончания войны, в то же время давал победителям шанс заняться основательным переустройством континента, построением своего рода универсальной системы безопасности, основанной на возможности регулирования и предотвращения явлений, которые за пять лет до этого привели к катастрофе с неисчислимыми человеческими жертвами (10 млн. человек убитых и более 20 млн. искалеченных).

Основные вопросы, острота которых требовала от послевоенного европейского сообщества незамедлительных решений, условно можно разделить на две большие группы.

1. Проблемы, вытекающие из межнациональных противоречий и связанные так или иначе с исчезновением старых и появлением новых акторов международных отношений.

2. Вопросы, возникшие на почве социальных противоречий и приведшие к чрезмерной радикализации отдельных субъектов международных отношений (революции в России и Германии, радикализация настроений в других странах).

Участие в решении этих проблем, разумеется, должно было вписываться в рамки внешнеполитической концепции Лондона, который видел будущую Европу не иначе как в виде испытанной временем схемы «баланса сил», при которой Англия могла, как и прежде, играть на противоречиях континентальных держав.

Польский вопрос относился к первой группе основных проблем, стоявших перед английским правительством в Европе. Он, как и другие «национальные вопросы» того времени (финский, эстонский, латышский, литовский, грузинский, азербайджанский и т.д.), возникновение которых было связано с распадом Российской империи, был частью обширного «русского вопроса». Последний, в свою очередь, невозможно идентифицировать лишь как «национальный», так как в понимании руководства Англии он вбирал в себя весь клубок противоречий (как национальных, так и социально-политических), охвативший территорию исчезнувшей империи.

Ввиду всего вышесказанного было бы неправомерно рассматривать польское направление политики английского МИД обособлено от «русского фактора», как, впрочем, и в отрыве от событий, одновременно проходивших в других частях Европы, где так же, как и в Польше, реализовывалась попытка выстроить элементы подконтрольной руководству стран-членов Антанты «системы европейской безопасности».

Кроме того, польский вопрос был непосредственно связан с вопросом будущего Германии, что давало Англии, удален-

ной (в географическом смысле) от зоны конфликта, шанс для маневра, который мог в будущем обеспечить изменение баланса сил в сторону, наиболее соответствующую внешнеполитическим чаяниям Лондона.

На таком восприятии европейских политических реалий того периода основывался подход английского правительственного кабинета к решению польского вопроса. Алгоритм действий британского правительства в 1918-1921 гг. позволяет прийти к убеждению, что в основе британской внешнеполитической парадигмы периода послевоенного урегулирования лежала уверенность в возможности совместить решение насущных проблем Европы с укреплением влияния Лондона на континенте.

Все предпосылки для этого у Лондона имелись. Основные конкуренты, которые на протяжении XIX в. не раз пытались нарушить баланс сил, были либо разгромлены, либо истощены многолетней изматывающей войной. В то же время британские политики понимали, что старая колониальная Британская империя уже пережила период своего расцвета и нуждается в серьезном реформировании. Этот факт также имеет важное значение для понимания политики английского руководства, которому нужна была «стабильная» Европа: Лондон, занятый решением колониальных вопросов, мог продолжать оказывать решающее влияние на континентальные дела.

Сложившаяся в Европе ситуация способствовала воплощению в жизнь британской внешнеполитической доктрины, а необходимость разрешения уже упоминавшихся ранее насущных европейских проблем создавала все необходимые предпосылки для ее реализации. Польский вопрос, давно уже не вспоминавшийся британскими политиками, стал в этом отношении одним из краеугольных камней в фундаменте новой Европы, которая, по задумке Лондона, должна была стать площадкой для воплощения старых чаяний английской политической элиты на установление «равновесия».

Карстен Брюггеманн

**Война за мир и конец Белого движения.
Эстонско-советские отношения перед Тартуским
мирным договором 1919-1920 гг.**

Заключение мирного договора между молодыми государствами Эстонской Республикой и Советской Россией 2 февраля 1920 г. имело несколько важных политических последствий. Во-первых, этим договором Москва признала тот факт, что Эстония навсегда отделялась от России. Тем самым Ленин пошел на такие территориальные уступки, которые требовали от него немцы еще летом 1918 г. Во-вторых, не только таллинское правительство, но и московское впервые получили дипломатическое признание в качестве независимых государств. Это открыло для них дорогу к более тесным контактам со странами-победительницами, прежде всего в экономическом отношении. В-третьих, договор спас Северную столицу, т.е. Петроград, от угрозы со стороны Белого движения. Белая мечта о „единой и неделимой России» с этим договором окончательно превращалась в иллюзию.

Совершенно понятно, что на основании этого договора Эстония считала себя победившей стороной. Таллин получил не только гарантии своей независимости от бывшей метрополии, но и 15 млрд. рублей из царского золотого фонда. Важнее всего, пожалуй, для молодой республики был тот факт, что договор с Москвой дал стране мир, т.е. впервые за время своего существования она могла сосредоточиться на строительстве мирной жизни после четырех лет мировой войны, девяти месяцев немецкой оккупации и тринадцати месяцев освободительной войны против немецких сил самообороны (Landeswehr) и Красной армии. Если взглянуть на эту ситуацию с перспективы конца 1918 г., то становится ясно, что такой выход из положения, то есть мир с большевиками, был наименее вероятным. Никто из тогдашних наблюдателей, на-

пример, не взял бы на себя смелость предсказать победу социальных революционеров в Кремле или национальных революционеров на Таллинском Вышгороде. Одной из важных причин, приведших к такому результату революционных войн на северо-западе бывшей Российской империи, была смелая и иногда даже рискованная внешняя политика Таллина.

После того как в ноябре 1918 г. Ленин отказался от Брестского договора и Красная армия перешла границу с Эстонией, таллинское Временное правительство организовало оборону с помощью двух военных формирований, которые, по сути, были противниками эстонской независимости: прибалтийско-немецкого полка (Baltenregiment) и белого Русского Северного корпуса. Как часть эстонской армии, этот Северный корпус начал первое наступление на красный Петроград уже в мае 1919 г. В это же время были сделаны первые шаги эстонских и советских дипломатов навстречу друг другу. Таким образом, когда осенью 1919 г. белые решили организовать второй поход на Петроград, между прочим, на этот раз без участия эстонской армии и под командованием знаменитого генерала Юденича, эстонцы уже получили советское приглашение на мирные переговоры вместе с другими Прибалтийскими странами.

Итак, доклад будет посвящен тому, как искусно эстонцы направляли антибольшевистскую борьбу белых русских в русло своих интересов и использовали ее для достижения Эстонией независимости. Они могли достаточно спокойно наблюдать, как под Петроградом русские воевали друг с другом. В конце концов, эстонцам нужен был мир, и этот мир могла предложить только победившая русская сторона. В связи с развитием международной обстановки, т.е. с концом активной антибольшевистской политики стран-победительниц, для Эстонии было даже выгодно, что они имели дело именно с Лениным, а не с Юденичем или Колчаком, несмотря на кровавые битвы у Нарвы в декабре 1919 г. с Красной армией.

Ю.В. Костяшов

**Кёнигсбергская Восточная ярмарка и СССР
(по материалам ГАРФ)**

Версальский договор, превративший Восточную Пруссию в германский эксклав на Востоке, чрезвычайно осложнил экономическое положение провинции. Местная политическая и хозяйственная элита при поддержке берлинских властей попыталась найти выход в интенсификации региональных экономических связей. С этой целью летом 1920 г. был учрежден комитет для организации Восточноевропейской ярмарки в Кёнигсберге (Ostmesse). Первоначально ярмарка устраивалась дважды в год (в конце зимы и лета), затем (с 1929 г.) стала ежегодной и проходила в августе в течение четырех-пяти дней. Ярмарка имела универсальный характер, представляла самые разнообразные товары промышленного и сельскохозяйственного назначения и сопровождалась целым рядом специальных мероприятий, начиная от выставок породистого скота или летательных аппаратов и заканчивая экспонированием произведений изобразительного искусства и народных промыслов. В 1923 г. от Остмессе отпочковалась Лесная выставка, которая стала регулярно проводиться в марте. Участниками Кёнигсбергской ярмарки, помимо Германии, были Скандинавские и Прибалтийские государства, центрально-европейские и некоторые другие страны. Но главная ставка делалась на необъятный советский рынок.

Россия впервые приняла участие в Пятой Восточной ярмарке в августе 1922 г. Дирекция Остмессе делала всё возможное, чтобы закрепить и расширить представительство СССР. В 1922 г. в Кёнигсберге был основан Экономический институт для сношений с Россией и восточноевропейскими государствами; в августе того же года совместно с Городским

банком было учреждено общество «Германо-русский товарообмен» для предоставления участникам экономических связей товарных и денежных кредитов; в Москве на Арбате открылось постоянное представительство Кёнигсбергской ярмарки (им руководил А.А. Якушев); для СССР на русском языке издавались три журнала («Восточно-Европейский рынок», «Восточно-Европейский Лесной рынок» и «Восточно-Европейский Земледелец»); к открытию выставки кёнигсбергские газеты выпускали специальные приложения, посвященные СССР; делегатам из России немецкая сторона оплачивала проживание, страховку экспонатов и бесплатно предоставляла экспозиционные площади.

Эти усилия Ярмарочного комитета не пропали даром. Уже в 1923 г. подготовленная Внешторгом экспозиция заняла на ярмарке целый павильон. В 20-е годы в Кёнигсберг приезжали многочисленные делегации, состоящие из партийных и советских работников, представителей разных союзных республик, промышленных предприятий, научных и учебных заведений. По данным советского генерального консула Г. Мерзона, на Остмессе 1927 г. приехало из СССР 60 человек, а в следующем году уже сто. Дирекция ярмарки готовила для них специальную программу. Так, в 1928 г. за две с половиной недели пребывания в Восточной Пруссии делегаты посетили, помимо выставки, провинциальную Сельскохозяйственную палату, Институт растениеводства, Молочно-хозяйственный институт, Мелиоративное бюро, Тракененский конезавод, три племенных хозяйства, два крупных молочных завода, фабрику сельхозмашин, тракторно-автомобильный завод, скотобойни, несколько крупных частновладельческих и крестьянских хозяйств. В отчете делегации, представленном зампреду Совнаркома Я.Э. Рудзутаку, посещение Восточной Пруссии оценивалось как «весьма ценное» и выражалась большая надежда, что «эти экскурсии-командировки дадут еще больше пользы, если они будут проводиться систематически, из года в год».

Приход Гитлера к власти в 1933 г. прервал участие СССР в Кёнигсбергских ярмарках. Только в начале 1940 г. по инициативе гаулейтера Восточной Пруссии Э. Коха возобновились переговоры о новом советском павильоне. 18 августа 1940 г. открылась 28-я ярмарка, официально названная Восточно-Прусской, на которой впервые с 1932 г. была представлена обширная советская экспозиция. На торжественном приеме, данном по этому случаю Кохом, посол СССР в Германии А.А. Шкварцев, поднимая тост за здоровье гаулейтера, заявил, что советское участие в ярмарке – «один из признаков тесного экономического и политического сотрудничества СССР и Германии, основанного не на конъюнктурных соображениях, а на коренных государственных интересах обеих стран». Пройдет совсем немного времени, и истинная цена этих слов советского дипломата станет очевидной.

А.В. Золов

**Советский Союз и Литва в 1939-1940 гг.
(по материалам АВПР)**

К концу лета 1939 года Европа вплотную подошла к новой большой войне. В этих условиях, не сумев добиться согласия Англии и Франции на создание системы коллективной безопасности, Советское правительство пошло на подписание пакта о нейтралитете с Германией. Составной частью пакта стали секретные протоколы, определившие разграничение сфер интересов двух стран, в том числе в Прибалтике. Литва первоначально оставалась в сфере германских интересов, но впоследствии, при подписании договора о дружбе и границах СССР и Германии, была исключена из нее. Тем самым Москва стремилась поставить пределы германской экспансии в Восточной Европе и не допустить превращения Прибалтийских

государств в коридор для агрессии против СССР. В то время даже в правящих кругах этих стран, в целом ориентировавшихся на Великобританию, подобный исход был встречен достаточно позитивно, так как альтернативой виделось установление нацистского господства.

С целью обеспечения большей безопасности СССР заключил с Прибалтийскими странами договоры о взаимопомощи. С Литвой такой договор был подписан 10 октября 1939 года. Он сопровождался соглашением о передаче Литве Вильно и Виленской области. Через пять дней было подписано советско-литовское торговое соглашение, которое во многом компенсировало экономические потери Литвы, ставшие результатом войны и вынужденного разрыва экономических связей региона с западноевропейскими партнерами.

По условиям договора о взаимопомощи в Литву был введен контингент советских войск. Появление Красной армии активизировало деятельность левых партий, видевших в ней союзника в борьбе против диктаторского режима А. Сметоны. Однако в инструкциях НКВД СССР и в приказе наркома обороны четко предписывалось не допускать даже намека на вмешательство во внутренние дела новых союзников СССР. Это предписание выполнялось безоговорочно, что подтверждалось заявлениями официальных лиц Литвы и ее соседей.

И все же надежность новых союзников в Москве признавалась сомнительной. По сообщениям советских дипломатов, правящие круги Прибалтийских государств, в том числе и Литвы, договоры с СССР рассматривали как вынужденную и временную неприятность, покончить с которой они смогут с помощью Англии и Франции после их победы над Германией. В Москве вызвали беспокойство продолжение политики репрессий по отношению к коммунистам и другим оппозиционерам, сдержанный, но достаточно явный антисоветизм прессы, активизация контактов военных деятелей Балтийской Антанты, скрытое саботирование выполнения условий пакта о

взаимопомощи. Тем не менее вплоть до весны 1940 года политика невмешательства во внутренние дела прибалтов сохранялась. Таким образом, говорить об оккупации Литвы и других стран региона с осени 1939 года неправомерно.

Ситуация резко изменилась после неожиданно быстрого разгрома Франции и оккупации нацистами практически всей Западной Европы. Активизировалась деятельность немцев, их агентуры и сторонников в Прибалтике. В этих условиях СССР резко изменил свою позицию. 25 мая 1940 года было опубликовано заявление В.М. Молотова, в котором говорилось о провокациях «агентов литовского правительства» против советских войск. Впоследствии литовское правительство было обвинено в нелояльности своему союзнику и нарушении статьи VI пакта о взаимопомощи, запрещавшей вступление в союзы, враждебные партнеру по договору. Был предъявлен ультиматум с требованием отставки старого и создания нового «просоветского» правительства и согласия на ввод в Литву дополнительных контингентов Красной армии. Срок исполнения ультиматума был определен в 10 часов. Для решения возникших вопросов в Литву был направлен в качестве полномочного представителя заместитель наркома иностранных дел В.Г. Деканозов. С этого момента события пошли по нарастающей. Режим А. Сметоны пал, новое правительство Ю. Палецкиса провозгласило программу глубоких социально-экономических преобразований в интересах трудящегося населения, поддержанную широкими народными массами. Были проведены парламентские выборы, в ходе которых победу одержал Союз трудового народа Литвы, и 21 июля 1940 года новый Народный сейм принял декларацию о провозглашении Литвы Советской Социалистической республикой и вступлении в СССР, которая была утверждена Верховным Советом СССР 3 августа 1940 года. Началась новая страница в истории взаимоотношений наших народов.

В.Н. Барышников

**Поездка В.М. Молотова в 1940 г.
в Берлин и Финляндия**

1. Немецко-финское военное сотрудничество, приведшее к тому, что финская армия стала соучастницей нападения Германии на СССР, начало развиваться с лета 1940 г. Первым серьезным шагом в этом направлении стало разрешение финского руководства о переброске немецких войск через территорию Финляндии в северную Норвегию и начало интенсивного снабжения финской армии немецким оружием. Соглашение об этом объективно означало включение Финляндии в сферу военно-политических интересов Германии и открывало возможность концентрации германской армии на севере страны у границ с СССР, а также активизацию военной помощи рейха финским вооруженным силам.

Советское руководство получало информацию о происшедших переменах в германо-финском сотрудничестве и пыталось дипломатическим путем помешать этому. В сентябреноябре 1940 г. через дипломатических представителей СССР делал запросы германскому и финскому руководству о том, что происходило тогда на севере Европы. Также в Москве делали заявления об особых советских экономических интересах в северной Финляндии – Лапландии (в Петсамо). Причем так называемый «петсамский вопрос» стал одним из ключевых для политического зондирования степени сближения Финляндии с Третьим рейхом и одновременно имел цель дипломатического давления на нее, чтобы не допустить закрепления Германии в финском Заполярье. Однако все эти действия реального результата не приносили.

2. Сложившаяся ситуация вынуждала советское руководство официально потребовать от германского правительства соответствующих объяснений. Это было сделано 12-13 нояб-

ря 1940 г. во время поездки в Берлин наркома иностранных дел В.М. Молотова и его встречи с А. Гитлером.

О самих переговорах в настоящее время известно из протокольных записей произошедших тогда бесед. Они велись переводчиками В.М. Бережковым, В.Н. Павловым, П. Шмидтом и Г. Хильгером. Бережков и Шмидт опубликовали затем свои воспоминания об этом событии. Кроме того, фрагментарные записи мемуарного характера были подготовлены присутствовавшим при переговорах И. Риббентропом. Представляют интерес и неофициальные интервью Молотова о своем посещении Берлина. В 1991 г. были к тому же опубликованы и телеграммы, передававшиеся Молотовым из Берлина, и ответные указания из Москвы. Все это позволяет теперь с достаточной достоверностью представить происходившие переговоры.

Разъяснений по «финской проблеме» Молотов настойчиво добивался уже на второй день переговоров - 13 ноября. До наших дней в исторической литературе существует утверждение, что Молотов в беседе с Гитлером требовал «права ликвидировать Финляндию», но получил «отпор» и тем самым «спас» ее. Однако тщательный просмотр протокольных записей не подтверждает то, что Молотов стремился «ликвидировать независимость Финляндии». Речь шла о другом: о выяснении причин размещения на финской территории немецких войск и о невыполнении Берлином секретного приложения к заключенному между СССР и Германией пакту о ненападении. Но Гитлер искусно ушел от обсуждения этой проблемы.

Вывод Молотова об итогах переговоров был сделан 14-15 ноября. Он твердо заявил, что беседы с Гитлером «не дали желательных результатов» и «что неизбежность агрессии Германии неимоверно возросла». Таким образом, после этого визита германо-советские отношения вступали в новую стадию своего развития.

3. В результате в Советском Союзе перешли к обстоятельному военному планированию возможных боевых опера-

ций с Финляндией. Тогда рассматривалась также известная теперь записка наркома обороны и начальника Генерального штаба «о соображениях по развертыванию вооруженных сил Красной Армии на случай войны с Финляндией». А 25 ноября 1940 г. отдается директива командующему войсками Ленинградского военного округа о том, какие конкретно действия части округа должны будут предпринять «в условиях войны СССР» против Финляндии.

В целом визит Молотова в Берлин закрепил мнение у советского руководства, что Финляндия будет, несомненно, союзником Третьего рейха в случае войны между СССР и Германией. Сам факт начавшегося последующего планирования боевых действий на северо-западном направлении становился убедительным тому доказательством.

Philipp Ther

Ethnic Cleansing in the Baltic region in the 20th century

The 20th century was not only the century of the Holocaust and of the Gulag, but was also an age of 'ethnic cleansing'. Over the course of the 20th century, about 50 million people have been forced to permanently leave their homelands within Europe alone. Three major periods of ethnic cleansing in Europe can be distinguished. The first one lasted roughly one decade from 1913 until 1923 and mainly affected southeastern Europe and Turkey. In 1938, Nazi Germany started the second round of ethnic cleansing that substantially changed Central and Eastern Europe and lasted until 1948. The third period of ethnic cleansing was a consequence of the break-up of Yugoslavia in 1991 and of the Soviet Union and has continued in southeastern Europe and in some areas of the CIS until the end of the 20th century.

'Ethnic cleansing' is always directed at an ethnic group or a nation. The goal is to change the ethno-demographic composition

of a given territory by removing an ethnic group, which is forced to migrate. The ethnicity of the victims is defined by a ruling or occupying power. Groups or individuals who are subjected to this definition usually have no chance to declare a different ethnicity, or to influence their removal from their territory. The forced character of migration also distinguishes ethnic cleansing from other forms of migration. If ethnic cleansing is carried out over existing or newly created state borders, it can also be labeled as 'expulsion', whereas the removal of an ethnic group within a given country is a 'deportation'. In most cases ethnic cleansings are permanent. The term itself has been popularized by the media in the 1990s but it can be found in many sources of the 1940s or earlier periods as well.

One of the parts of Europe which has been changed most profoundly by ethnic cleansing is the Baltic region. On the eastern and the southern shore of the Baltic sea, the present societies have been formed during the second phase of ethnic cleansing. Coming to terms with this part of the past and dealing with it in constructive ways is a prerequisite for the future international relations and for the positive development of the countries of the area. Ethnic cleansing in the Baltic region started in 1939 with the repatriation of Baltic Germans after the Hitler Stalin pact. Together with the repatriates from other parts of the Soviet Union, a great part of these Germans were settled in Western Poland, where Poles were expelled in order to make room for the repatriates and to expand a racially homogenized Germany to the East. However, in the Soviet Union we can also observe ethnic cleansing, and it happened prior to the attack by Germany in June of 1941. In all the areas which had been annexed by Stalin in 1939, parts of the former state and economic elites were deported. While these measures to Sovietize the Baltic Republics and eastern Poland originally mainly targeted social elites, the deportations soon took on an ethnic character and were directed against Poles, Lithuanians, Latvians and Estonians as such, independently of their social status. It would be euphemistic to term the Holocaust as a case of ethnic cleansing, but after the attack on the Soviet Union the Nazis continued to change the eth-

nic composition of the Baltic region through the mass murder of its Jewish population. When the Nazis retreated from East Central Europe and the Baltic region in 1944/45, the societies located there had been ethnically homogenized to a large degree already.

In the years between 1944 and 1948 the Germans living around the Baltic Sea paid a heavy price for the previous aggression of Nazi Germany. The Allies decided that Germany should lose large territories in East Central Europe, including today's Kaliningrad Oblast, and that all Germans should be removed from there. The goal was to erect a postwar order based on homogenous nation states, and to solidify the Western expansion of the Soviet Union. The expulsion of the remaining Germans was accompanied by the immigration of new population groups to the Baltic region. Poles came there, who often had themselves been expelled from the homelands in the eastern territories of interwar Poland, and immigrants from the interior of the Soviet Union, mainly Russians.

What is the heritage of this large scale ethnic cleansing today? It means that the history of the region is fragmented and interrupted. The new societies formed during the war and in the postwar period are relatively stable now, but they are lacking the attachment to these regions which traditional societies have to their «little fatherlands», as the Poles term it. This deficit can be felt in many areas, especially through a lack of civic engagement. This is especially a problem in areas, where almost the entire population was removed and exchanged. Creating prospering civil societies therefore depends on coming to terms with the past. By this I do not only mean the relatively short process of forced migration itself, but that there should be an awareness of the multinational past of the region we are talking about at this conference. This past was forcefully destroyed by the totalitarian regimes, but in today's Europe it can be a great asset. It can link up the countries in the area politically, and is a basis for mutual cultural interest on a societal basis. I think that the concept of an «open regional history», which has for example been propagated by the journal «Borussia» in Olsztyn, offers a scientific basis for a positive utilization of this multinational past destroyed between 1939 and 1948.

Andrzej Topij

Latvia's German Minority in the Policy of the Third Reich

The authoritarian coup of K. Ulmanis in May 1934 brought about a clear change in the plight of numerous national minorities in Latvia, including the Baltic Germans. Due to nationalistic policy of new authorities, the *Deutschbalten* suffered relatively heavy losses, especially in the field of education and the economy. Nonetheless, their lot was better than that of other, worse organized, minorities, like the Russians or Poles.

Naturally, the Baltic Germans' leadership desired to interest the Third Reich in a poor state of affairs and the maltreatment of the German *Volk* in Latvia. However, if we trace German policy towards Latvia in the years 1934 –1939, it turns out that it was rather moderate. Berlin did not want to meddle with the domestic affairs of Latvia and vindicate the interests of local Germans. The German government did not use the minority question as a pretext to more or less influence Latvian policy, not to speak of subordinating this small country to Berlin.

Nonetheless, Ulmanis' policy harassing the German minority to some extent led to the stress between Riga and Berlin. Especially, it reflected on economic relations between the two countries.

It is necessary to stress that the German authorities did try to advocate the interests of Baltic Germans in some minor questions. I can mention at least such matters as study by foreigners (i.e. mainly Reich Germans) at the Herder Institute, the only private university of *Deutschbalten* in Latvia, or in the area of economic life.

1939 appeared to be a showdown between Germany and Latvia. The German minority asked Berlin to interfere on its behalf. Intelmann, leader of the Latvian *Deutschbalten*, worked out a

seven-point-long memorandum to Ulmanis to the effect of bestowing on the local Germans a wide-range national autonomy. Nevertheless, it should be emphasized that neither German government nor German envoy to Riga acquiesced to play the role of go-between. What is more, the German authorities sought to restrain a radical wing in the Nazi movement in Latvia, fearing that it could worsen the mutual relations between Germany and Latvia.

The final event was a real surprise to the German minority. Instead of support for their demands, the Baltic Germans learnt they would have to leave their *Heimat* for ever. The negotiations between Germany and Latvia (and Estonia, too) were conducted in a hurry, and their result was rather advantageous for the Baltic countries, since, for example, it was solely Germany that was to finance the whole resettlement action.

А.А. Комаров

Аландские острова в контексте советской внешней политики в Балтийском регионе

1. Аландские острова, с 1809 г. принадлежавшие Российской империи, по Парижской конвенции 1856 г. получили статус демилитаризованной зоны. После обретения Финляндией независимости между Швецией и Финляндией возник спор о принадлежности Аландских островов, который был разрешен в 1921 г. решением Лиги Наций в пользу последней. В том же году был подписан международный договор о демилитаризованном статусе архипелага. Советская Россия не была привлечена к процессу принятия решений относительно судьбы Аландских островов, что вызвало с её стороны серию протестов.

2. В 1938 г. Швецией и Финляндией был выработан так называемый Стокгольмский план, который предусматривал

возведение на островах оборонительных сооружений. Однако в связи с решительными протестами Советского Союза этот план не был осуществлен. Отношения между СССР и Финляндией по Аландскому вопросу были урегулированы уже после окончания зимней войны соглашением от 11 октября 1940 г., предусматривавшим сохранение демилитаризованного статуса архипелага.

3. На заключительном этапе Второй мировой войны Комиссией Народного комиссариата иностранных дел по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства во главе с М.М. Литвиновым выдвигалась идея установления неограниченного суверенитета СССР над Аландскими островами, что должно было привести к усилению советских позиций на Балтике. Однако в Соглашении о перемирии с Финляндией от 19 сентября 1944 г. в статье 9 действие Соглашения об Аландских островах от 11 октября 1944 г. было восстановлено.

4. Парижский мирный договор, подписанный с Финляндией 10 февраля 1947 г., закрепил статус Аландского архипелага, воспроизведя практически в неизменном виде статью 9 Соглашения о перемирии. Позиция СССР по отношению к Аландам не претерпела изменений в течение всего периода «холодной войны».

Ирена Саленице

**Советские и немецкие войны
Второй мировой войны глазами жителей Латвии
(по источникам устной истории)**

Одна из ключевых проблем гуманитарных и социальных наук касается феномена «инога», поскольку лишь при его наличии возможно самопознание и осознание собственной идентичности. Осмысление «инога» в конкретных исторических

ситуациях наполняет содержанием оппозицию «свой» - «чужие» – одну из фундаментальных в определении особенностей любой культуры.

В истории жителей Латвии было много «чужих», в том числе – советских солдат и офицеров – воины Красной армии, вступившей на территорию Латвии в 1940 (1939), а затем – в 1944-1945 годах, а также солдат вермахта, находившихся в Латвии с 1941 по 1944-1945 годы. Цель данной работы – выяснить, как воспринимали приход советских и немецких войск жители разных регионов Латвии («простые люди»), какими предстали перед ними носители других культур. В работе использованы материалы Латвийской национальной коллекции устной истории, а также интервью из создаваемой коллекции устной истории Даугавпилсского университета. Для сравнения солдат двух армий, какими их вспоминают жители сегодняшней Латвии, была использована информация об их внешнем облике, поведении, взаимоотношениях с местными жителями.

Источники свидетельствуют о наличии безусловной - между местными жителями и красноармейцами: почти нет упоминаний о личных контактах, не называются собственные имена и т.п. Если для жителей Восточной Латвии, неплохо владевших русским языком, существовали возможности общения, то между жителями Курземе и пришельцами стоял языковой барьер. Поэтому общее впечатление складывалось из наблюдений за внешним видом и поведением советских солдат. Немецкие солдаты чаще предстают в свете личных контактов, они, как правило, персонифицированы.

Жители Латвии (мужчины – женщины; взрослые – дети; латыши, поляки, русские) обратили внимание на крайне непрезентабельный, по их мнению, внешний облик как солдат, так и офицеров Красной армии. Непривычно было видеть бесформенные гимнастерки (в отличие от сшитых по индивидуальным размерам мундиров латвийских военных и айзсаргов), плохую обувь, общий неухоженный вид красноармейцев. Это

вызывало чувство превосходства, насмешку, иногда – сочувствие. Напротив, немецкие солдаты запечатлелись в памяти подтянутыми, стройными, хорошо одетыми – бравыми воинами.

В поведении советских солдат жители Латвии отмечали как весьма распространенное воровство; отсутствие навыков в обращении с обычными предметами обихода; неловкость, неотесанность. Иногда упоминается о случаях насилия в отношении местного населения (как правило, такие истории приводятся с чьих-то слов). Подобные эксцессы, конечно, осуждались, но в целом рассказчики акцентировали внимание на недостатке нормального жизненного опыта у советских солдат, что воспринималось как свидетельство низкого уровня жизни в Советском Союзе, и потешались над обитателями советского «рая», иногда жалели их. Вообще, учитывая информированность о советском строе, в отношении латышей к советским солдатам в 40-е гг. доминировали страх и настороженность, отсутствие каких-либо симпатий. Однако сегодня рассказчики с наибольшим подъемом вспоминают конкретные случаи, когда незваных гостей удавалось «обвести вокруг пальца», не допустить каких-либо незаконных действий с их стороны. Это, безусловно, плохо гармонировало с насаждавшимся советской пропагандой образом героя-освободителя. Отдельного изучения требует отношение к советским военным со стороны русского меньшинства, особенно в Восточной Латвии. По имеющимся данным, оно может быть несколько отличным. Бытовое поведение немецких солдат было гораздо более предсказуемым, понятным и приемлемым для местных жителей. В то же время лишь редкий рассказчик не высказывал недоумение и возмущение по поводу репрессивных акций немецких властей, главным образом – по поводу Холокоста.

Очень распространено понимание того, что солдаты обеих армий не по личной воле пришли в Латвию, что многие из них никому не принесли конкретного вреда, отмечают по-

ложительные поступки некоторых солдат. Тем не менее для жителей Латвии войны как одной, так и другой армии все-таки остались «чужими».

Д.А. Олехнович

Периодическая печать Латгалии в период немецкой оккупации

В истории Латвии есть множество проблем, к изучению которых в течение нескольких поколений вновь и вновь обращаются историки. Развитие исторической науки, освоение новых методов, доминирование новаторских тенденций вынуждает обращаться к уже, казалось бы, исследованным проблемам. В основе этого не только политическая атмосфера и социально-психологический заказ общества, не только прогресс исторической науки и ее вспомогательных дисциплин, но в значительной степени и изменение отношения к источникам и предмету исторической науки, равно как и изменение отношения человека к себе, обществу и окружающему миру. В XX веке особую актуальность приобретают источники, связанные с исследованием массового сознания человека, например газеты, – своеобразный барометр отношений общества и власти.

Необъятно широкий спектр источников открывает большое поле деятельности для историков, однако, к сожалению, количество специальных исследований по источниковедению истории Латгалии ничтожно мало [1]. Изучение же периодической печати Латгалии в период нацистской оккупации не проводились вообще.

После захвата территории Латвии войсками Третьего рейха (июнь–сентябрь 1941 года) началось становление институтов оккупационной администрации, основой для которой послужили части немецкой армии. Идеологи нацизма удачно использовали антисоветские настроения части местного населения, вызванные репрессиями против «классовых врагов,

буржуазных элементов», достигших своего апогея 13–14 июля 1941 года. Для поддержания и усиления данного настроения, бесспорно выгодного идеологам «Новой Европы», активно использовались различные методы, в том числе пропаганда в периодической печати [2] как наиболее действенный.

Периодическая печать открывает перед исследователем широкое поле деятельности и при соблюдении комплексного подхода к критике информации источника позволяет открыть новые горизонты для изучения ранее не рассмотренных вопросов. Специфичность региональной истории налагает на исследователя определенные рамки, и именно периодическая печать позволяет реконструировать прошлое, выявить отношения между человеком и обществом, определить место человека в системе отношений «индивид – власть», определить парадигму и векторы пропаганды и, сопоставив ее с господствующими идеологиями, выявить общее и особенное в реализации пропаганды в конкретном регионе. Таким образом, пресса Латгалии в оккупационный период является уникальным источником для исследования латгальского региона. Его уникальность определила и специфику данного вида исторического источника, что позволяет применить различные методы при его исследовании, а спектр выдвигаемых вопросов может быть определен в самых широких границах – от воссоздания социально-психологического портрета горожанина начала нацистской оккупации до особенностей реализации национал-социалистической доктрины на оккупированных территориях.

1. Исключение составляют работы: Ivanovs A., Steimans I. *Latgales vestures historiografija.* - Rezekne, Latgales Kulturas centra izdevnieciba, 1999; Steimans I. *Latgales ebreju vestures historiografija.* - Rezekne: Latgales Kulturas centra izdevnieciba, 2000, а также работы А. Иванова, И. Штеймана, Г. Сомса, Э. Екабсонса, П. Зейле.

2. О этом свидетельствует, например, распоряжение Г.Риекена (См.: Латвийский Государственный исторический архив. Ф. 84. Оп. 1. Д. 2. Л. 8).

Eckhard Matthes

Das Problem der Konstituierung des Gebiets Kaliningrad in der deutschen Historiographie

1. Einleitung. Die Frage nach der deutschen Beschäftigung mit der Geschichte des Gebiets Kaliningrad korrespondiert eindrücklich mit dem Problem der russischen Bemühungen um die Vorkriegsgeschichte des Landes. Dabei unterscheiden sich beide Ansätze grundsätzlich. Die Russen waren seit Beginn ihrer Anwesenheit in Ostpreußen täglich mit der Vorkriegsgeschichte und ihren Hinterlassenschaften konfrontiert. Für die Deutschen war nach dem Erlebnis des Verlusts die Distanz zur Region bestimmend in der Auseinandersetzung mit der Frage. Für beide wurde der Zugang zur Geschichte der Region von politischen und ideologischen Faktoren verstellt und eingegrenzt. In der deutschen Historiographie lassen sich bisher vier Phasen unterscheiden:

2. Phase I. 1945-1965 Bilanz, Abschluß und Neuansätze.

In den ersten zwei Nachkriegsjahrzehnten ist das Gebiet Kaliningrad nicht Gegenstand historischer Forschung in Deutschland. Die wegen des ausbleibenden Friedensvertrages ungeklärte Situation und die Unsicherheit hinsichtlich der verlorenen Gebiete werden aber von zahlreichen Initiativen begleitet, welche die Beschäftigung mit der Region fördern sollen. Neue Institutionen werden geschaffen (Herder-Forschungsrat; Göttinger Arbeitskreis, Kulturwerke), bezogen auf die Geschichte der Vertreibungsregionen. Über den § 96 BVFG wird staatlich abgesichert, daß kulturelle Traditionen der verlorenen Gebiete auch in Deutschland weiter gepflegt werden. Mit der „Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus dem Osten« wird eine einmalige Quellengrundlage zum Vertreibungsgeschehen auch für Ostpreußen gelegt. Damit verbunden werden von Theodor Schieder konzeptionelle Überlegungen zur künftigen wissenschaftlichen Behandlung dieses Kapitels der Zeitgeschichte formuliert. Mangels primärer Quellen aus der Region werden in Informationsdiensten Meldungen jeder Art

aus der aktuellen Situation in Ostpreußen veröffentlicht. Auf ihrer Grundlage erscheinen Darstellungen und Analysen zur Lage im Gebiet Kaliningrad. Ihre fundierteste Zusammenfassung wird 1955 von Rudolf Neumann unter dem Titel „Ostpreußen 1945-1955« als erster Band der Reihe „Ostdeutschland unter fremder Verwaltung« publiziert. 1965 beginnt die Herausgabe der „Geschichte der Stadt Königsberg«, an deren Ende der Autor Fritz Gause die ostpreußische Geschichte für abgeschlossen erklärt. Er spricht damit aus, was zu dieser Zeit viele als Lebensrealität empfinden, angesichts der Signale, die aus Ostpreußen in den Westen gelangen.

3. Phase II. 1965-1978 Orientierungssuche.

Seit Mitte der 1960er Jahre liegen in Deutschland umfangreiche und vielgestaltige Materialien über die Vertreibungsgebiete vor. Nach und nach werden auch vereinzelt Quellen und Publikationen aus der Sowjetunion zugänglich, die verlässliche aktuelle Daten aus dem Gebiet vermitteln. In die sich langsam neu konstituierende historische Forschung in der Bundesrepublik Deutschland findet die Frage nach der inneren Entwicklung im nördlichen Ostpreußen nach 1945 keinen Eingang. Drei Gründe sind hierfür entscheidend: der Mangel an primären Quellen, an Zugänglichkeit zur Region und zu ihren Wissenschaftsinstitutionen; die Schwerpunktsetzung in der deutschen Historiographie, in der mit der Aufarbeitung des Dritten Reiches andere aktuelle Akzente gesetzt werden; und schließlich die politische Zurückhaltung, sich thematisch mit Fragen zu befassen, die in das Gewirr noch ungeklärter Kriegsfolgen und deren aktuelle politische Auswirkungen führen. Die Beschäftigung mit der Region, deren Geschichte aktuell so einleuchtend für abgeschlossen erklärt wurde, scheint zunehmend eine Angelegenheit der Vertriebenen zu werden. Deren Bemühen ist es aber, die Vorkriegsgeschichte in Erinnerung zu halten. Die aktuelle Regionalgeschichte des nördlichen Ostpreußen verliert sich aus dem Blickfeld der Historiker. Ebenso wie die Sowjetunionforschung, sind auch die Vertriebenen und ihre Institutionen nicht an der Regionalgeschichte des nördlichen Ostpreußen nach 1945 interessiert.

4. Phase III. 1978-1991 undlegung und Beginn systemtischer Forschung.

Eine Historiographie des Gebiets Kaliningrad in Deutschland, die diese Bezeichnung verdient, wurde von Peter Wörster in Marburg begründet und setzt 1978 mit seiner Veröffentlichung „Das nördliche Ostpreußen nach 1945. Verwaltung, Bevölkerung, Wirtschaft» ein. Einzelfragen, die in den Jahrzehnten zuvor auch schon gestellt worden waren – etwa nach der Herkunft der neuen Bevölkerung, nach der neuen Verwaltungsstruktur, nach den Umbenennungen oder nach den wirtschaftlichen Lebensbedingungen – wurden von ihm erstmalig in einem weiteren konzeptionellen Zusammenhang behandelt. Den Mangel an Primärquellen ersetzte Wörster durch ein differenziertes System der Auswertung sekundärer und tertiärer Quellen. Methodisch ist sein Ansatz zu dieser Zeit richtungweisend und ohne Alternative. Seine Ergebnisse sind von hoher Genauigkeit und wurden seither – etwa was seine Aussagen zur neuen Bevölkerung betrifft – durch Forschungen in russischen Archiven bestätigt.

Wörsters Forschungen waren exklusiv und wurden besonders von polnischer Seite aufgenommen. Auch in den USA war ein starkes Interesse an den Ergebnissen vorhanden. In Deutschland blieben seine Arbeiten eine Einzelercheinung. Sie wurden nicht weiterentwickelt und nicht als Basis für eine institutionalisierte historische Kaliningradforschung genutzt.

5. Phase IV. Seit 1991 Zugang zu russischen Archiven und Neuansätze in der Forschung

Zu Beginn der 1990er Jahre erfährt die Historiographie zu Kaliningrad in Deutschland einen zweiten Neuanfang. Die russischen Archive werden zugänglich. Zeitgleich wird auf russischer Seite der allgemeine Wissenskanon auf die Vorkriegsgeschichte Ostpreußens erweitert. Von beiden Seiten gehen Initiativen zur Kooperation aus. In dem nun zugänglichen Gebiet werden deutsche Wissenschaftler mit der Tatsache konfrontiert, daß eine russische Historiographie zur Nachkriegsgeschichte der Region nur ansatzweise existiert. Erste deutsche Dissertationen, die auf der Basis

russischer Archivalien entstehen (Frobarth, Kibelka), sind auf die erweiterten Forschungsmöglichkeiten noch nicht eingestellt, bleiben überholten Sichtweisen verpflichtet und in ihren Ergebnissen weit hinter den gebotenen Möglichkeiten zurück. Auf der Ebene von Diplom- und Magisterarbeiten werden für die Forschung richtungweisende Ergebnisse zur Lage der Deutschen nach 1945 (Luschnat), zur Stadtentwicklung (Hoppe), zur Situation der Industriearbeiter (Brodersen) und zur Entwicklung in der Landwirtschaft (Rega) vorgelegt und publiziert. Neu wird die Frage nach dem regionalen Bewußtsein der Bevölkerung gestellt (Hoppe). Hierzu und zur Neubesiedlung nach 1945 kommt es zu ersten gemeinsamen Forschungsansätzen und Publikationen (Kostjašov, Matthes). Die im Jahrzehnt seit der Öffnung der Archive entstandenen deutschen Arbeiten sind ausnahmslos das Ergebnis persönlicher Initiative der Autoren und hatten keinen institutionellen Rückhalt im historiographischen Kontext.

6. Rückblick. Bis heute (2003) sind in der deutschen historischen Forschung institutionell kein spezieller Schwerpunkt, und in der akademischen Lehre keine eigene Schule für Kaliningradfragen entstanden. Lehrstühle, zu deren Schwerpunkt Ostpreußen zählte, bezogen die Geschichte seit 1945 nicht ein (z.B. Göttingen, Berlin, Bonn). Der Forschungsschwerpunkt von Peter Wörster, ein persönliches Arbeitsgebiet ohne Resortzuweisung innerhalb des Herder-Instituts, hat trotz der großen Bedeutung seiner Ergebnisse für die deutsche Forschung und trotz deren internationaler Ausstrahlung, keinen institutionellen Rahmen im Herder-Institut erhalten. Ein vergleichbares Forschungspotential ist seither an keiner anderen Stelle in Europa entstanden.

7. Ausblick. Zu den Desiderata und Zukunftsaufgaben deutscher historischer Forschung gehört die Institutionalisierung eines Arbeitsschwerpunktes zu Kaliningrad, der systematische Aufbau einer Kooperation mit Fachkollegen in Kaliningrad und die internationale Koordination in Forschung und Lehre zu Fragen der Nachkriegsentwicklung im nördlichen Ostpreußen, in die schritt-

weise auch polnische und litauische Fachkollegen einbezogen werden.

Артур Джевицки

**Международные обусловленности принципов
политики Польши и ФРГ в отношении
к Калининградской области (1991–1994 гг.)**

Проблематика Калининградской области в 1991-1994 годах представляла собой неизменный и неотъемлемый элемент польско-российских и в значительно меньшей степени немецко-российских отношений, ясно отражающий их сложность и характеризующийся при этом немалыми трудностями в определении динамики развития, а также сферы его воздействия на международную ситуацию в районе Балтийского моря.

Точка зрения польских властей на проблему Калининградской области была обусловлена прежде всего теми геополитическими изменениями, которые произошли на территории Центральной и Восточной Европы. В этом контексте политика Республики Польши основывалась на нескольких принципах:

- с распадом Советского Союза и установлением новой международной ситуации в районе Балтийского моря роль Калининградской области не была окончательно определена;
- Калининградская область как неотъемлемая часть Российской Федерации и единственная территория этой страны, непосредственно граничащая с Польшей, является важнейшим фактором, влияющим на формирование российской политики по отношению к польскому государству;
- чрезмерная милитаризация Калининградской области являет собой существенную угрозу как для безопасности всего региона Балтийского моря, так и для безопасности Польши;
- в отличие от Польши заинтересованность проблемой Калининградской области в Федеративной Республике Герма-

нии не достигла уровня, который можно было бы признать весьма существенным, а точка зрения немецких властей характеризовалась далеко идущей сдержанностью и «самоограничением» в артикулировании своих политических целей. Эта ситуация в большой степени была следствием специфики тогдашних немецко-российских отношений, значительным образом детерминированных фактом временного пребывания на территории ФРГ частей российской армии и другими историческими причинами. В связи с этим в политике ФРГ на первый план выдвинулись следующие вопросы:

- стремление избежать политической дискуссии о прошлом и будущем области внутри самой Германии, и прежде всего о возможности придания анклаву особого международно-правового статуса, который мог бы вызвать возражения властей Российской Федерации;

- перенесение политико-экономической заинтересованности Германии анклавом с национальной плоскости на общеевропейскую и в результате получение одобрения Европейского Сообщества в вопросе вовлечения его структур в процесс экономического развития анклава как платформы для международного сотрудничества;

- ограничение сферы непосредственного воздействия области на безопасность стран в районе Балтийского моря при помощи различных политических и экономических средств доверия.

- независимо от этой ситуации, некоторые немецкие концепции, относящиеся к проблематике Калининградской области (концепция переселения сюда «российских немцев» или «европеизация» анклава), которые порождали сомнения у самих немецких властей, вызвали среди представителей правительства Республики Польша, особенно в первое время после объединения Германии, явное беспокойство. К ним повсеместно относились как к действиям, могущим нанести ущерб государственным интересам Польша. В этих условиях были определены следующие основные цели польской политики:

- недопущение каких-либо изменений границ на территории Европы, которые бы могли поставить под сомнение легальность решений, принятых в рамках Потсдамских соглашений (возможность создания прецедента), а в результате противодействие использованию Калининградской области как элемента в политической игре между Российской Федерацией, ФРГ и Польшей;

- противодействие дезинтеграции региона Центральной и Восточной Европы и бассейна Балтийского моря при одновременном сохранении добрососедских отношений со всеми государствами региона, в особенности с Российской Федерацией, балтийскими республиками и Федеративной Республикой Германии;

- противодействие возможному чрезмерному усилению политического и экономического влияния Германии в регионе Балтийского моря и прежде всего на территории области;

- окончательная концепция ограничения политического и экономического влияния Германии в Калининградской области не стала существенным и устойчивым элементом в политике Польши и в результате не повлияла на отношения между обеими странами.

Вывод российских войск с территории Германии и развивающийся процесс расширения НАТО способствовали тому, что заинтересованность проблематикой области сконцентрировалась в сфере безопасности, при одновременном учёте необходимости принятия определённых действий, ведущих к нормализации политических и экономических отношений с анклавом, остающихся неотъемлемой частью отношений обеих стран с Российской Федерацией.

Б.Б. Шереметьев

**Калининградская тема в российско-литовских
отношениях в период с 1990 по 2002 год**

Достигнутый уровень российско-литовских отношений возник не сразу и не на пустом месте: у него свой сложный эволюционный путь, основанный на результатах кропотливой работы большого числа специалистов не только по обе стороны государственной границы, но и федерального центра.

Условно постсоветский период становления и развития взаимоотношений России с Литвой по вопросу Калининградской области можно было разделить на три: 1990 – 1996, 1996 – 2001 гг., 2002 – по настоящее время. Вот лишь некоторые важнейшие события того времени.

После провозглашения в марте 1990 года Верховным Советом Литвы восстановления независимости в Вильнюс отправляется группа тогдашних руководителей Калининградской области для встречи с руководством Литвы и прояснения ситуации: ведь область в одночасье оказалась отрезанной от остальной части страны.

В июле 1991 года Российская Федерация (тогда еще РСФСР) и Литовская Республика заключают Договор об основах межгосударственных взаимоотношений, а также межправительственное соглашение о сотрудничестве в экономическом и социально-культурном развитии Калининградской области – важнейший для области документ, ставший, по сути, отправной точкой в становлении двусторонних отношений с Литвой.

В первой половине 1992 года администрация Калининградской области и МИД Литвы заключают ряд соглашений, регулирующих вопросы жизнеобеспечения Калининградской области, и в частности эксплуатации магистральных трубопроводов, линий связи, электросетей, а также определяющих режим пунктов пропуска на границе.

Довольно сложным оказался 1993 год, когда страны Балтии, в том числе и Литва, объявили о введении визового режима с Россией. Сейчас сложно себе представить, как бы развивалась социально-экономическая ситуация в Калининградской области, если бы тогда не удалось прийти к взаимопри-

емлемым решениям. Но в результате кропотливой работы стороны приняли вначале Временный порядок, а затем и межправительственное Временное соглашение о взаимных поездках граждан, предусматривающее фактически безвизовый режим въезда и транзита как калининградцев в Литву, так и литовцев в Калининградскую область.

В ноябре 1993 года Россия и Литва подписали пакет межправительственных и межведомственных соглашений в области транспорта, затрагивающих в том числе и интересы Калининградской области, а также соглашение о торгово-экономических отношениях, предусматривающее введение режима наибольшего благоприятствования в торговле.

На это время приходится и основная работа государственных комиссий России и Литвы по делимитации и демаркации госграницы на ее калининградском участке. Уже тогда особые хлопоты доставляли вопросы транзита в область и из нее грузов и пассажиров. Как бы то ни было, совместными усилиями удалось наладить приемлемую схему автомобильного транзита грузов и пассажиров, железнодорожного пассажирского сообщения Калининградской области с остальной частью России и странами СНГ.

В 1994-1995 гг. наметился перелом и в двусторонних торгово-экономических отношениях: торговый оборот Калининградской области с Литвой вырос почти в четыре раза, Литва становится третьим по инвестициям и числу совместных предприятий партнером области.

Во второй половине 90-х создается и постепенно разворачивает работу российско-литовская межправительственная комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству, в состав которой входят и представители Калининградской области. В рамках межправкомиссии действуют десять рабочих групп, одна из которых носит название «Рабочая группа по вопросам сотрудничества Калининградской области РФ и регионов Литовской Республики». На долю рабочей группы выпала основная тяжесть всей

работы на литовском направлении. В течение всего периода проводились регулярные встречи, в ходе которых удалось решить немалое количество проблем, из которых можно было бы упомянуть такие, как открытие прямого почтового обмена между областью и Литвой, согласование схемы транзита через Литву спецконтингента (заключенных), содействие в реализации первого крупного литовского инвестиционного проекта по строительству мясоперерабатывающего цеха «Клайпедос майстас», ряд проектов в сфере образования и увековечения памяти известных литовских деятелей, проживавших на территории области. На рабочую группу была также возложена подготовка проекта российско-литовского межправительственного соглашения о долгосрочном сотрудничестве между Калининградской областью РФ и регионов Литвы, которое заключено 29 июня 1999 г., а также содействие в подготовке некоторых других межправительственных соглашений, затрагивающих интересы области.

Начало третьего периода можно приурочить к моменту принятия решения о вступлении Литвы в НАТО и Европейский союз. Особое влияние на российско-литовские отношения оказало, конечно, последнее решение, так как процедура подготовки страны к членству в Евросоюзе требует от нее проведения качественных преобразований во всех сферах деятельности государства и пересмотра действующих соглашений, не отвечающих требованиям этого международного сообщества. Другая особенность данного периода состоит в том, что в отношениях между Россией и Литвой появился (явно или неявно) посредник – Комиссия Европейского союза.

Основными вопросами переговоров между Россией и Литвой на этом этапе стали: транзит граждан и грузов, военный транзит, вопросы рыболовства, энергообеспечение области и ряд других.

Необходимо отметить, что последние два года приоритетной в двусторонних переговорах была тема взаимных поездок,

которая как бы отодвинула на второй план все остальные вопросы. В то же время именно последние проблемы – транзит грузов, военный транзит и энергообеспечение региона – являются особенно важными в плане жизнеобеспечения области и ее безопасности в самом широком смысле.

Н.Ю. Никулина

Международные связи исторического факультета КГУ по проблемам исторического образования

В последнее время проблемы исторического образования остро стоят во многих европейских государствах. Поиск эффективных путей в его модернизации подтолкнул исторический факультет Калининградского государственного университета к установлению тесных связей со странами Балтии: Литвой, Латвией, Эстонией, Польшей и Германией. Создать эффективную образовательную систему возможно только с учетом достижений международной практики. Об этом свидетельствует большое количество международных проектов, направленных на разработку вопросов содержания исторического образования, теоретических и методических основ преподавания предмета и подготовки специалистов. Особое место уделяется обмену опытом и внедрению инновационных технологий в преподавание.

До конца 90-х годов XX века встречи калининградских ученых-методистов и учителей истории носили эпизодический характер. Так, в 1996 г. в Польше (г. Ольштын) состоялся один из первых симпозиумов по дидактике истории «Обучение истории в свете проблем современности». В нем приняли участие преподаватели Калининградского государственного университета, познакомившие коллег с теми переменами в исто-

рическом образовании, которые произошли в последнее десятилетие.

Переломным стал 1998 год. Ученые-методисты России, Литвы, Латвии, Польши и Германии встретились на литовской земле в Вильнюсском педагогическом университете. Эта встреча стала возможной благодаря деятельности кафедры истории дидактики Вильнюсского педагогического университета и ее заведующего Станисловаса Сташайтиса. На ней обсуждались проблемы подготовки учителей истории, а также особенности исторического образования в странах-участницах. Тема конференции – «Место и роль учителей истории в школе и их подготовка в вузах» – была очень актуальна. Материалы международной конференции вызвали значительный интерес, появилась возможность сравнить итоги своей работы с опытом коллег. Конференция положила начало тесным контактам исторического факультета Калининградского государственного университета с Вильнюсским педагогическим университетом, Клайпедским университетом, Даугавпилским университетом, школами Литвы и Польши. Ученые-методисты встречались не только на калининградской или литовской земле, но в Латвии и Польше. Такие контакты способствовали обогащению практики преподавания истории. Ярким примером такого сотрудничества стало использование опыта Латвии и Литвы по проведению единого государственного экзамена.

За последние годы были проведены научно-практические конференции: «Актуальные вопросы обучения истории в средней и высшей школе» (Вильнюс, 2000 год), «Современные образовательные программы: региональный опыт реализации и интеграции» (Калининград, 2001 год), «Ответственность ученого-историка, преподавателя, методиста» (Вильнюс, 2001 год), «Актуальные проблемы преподавания истории в школе» (Даугавпилс, 2000 год), «Федеральные и региональные проблемы образования в условиях модернизации» (Калининград, 2002 год), «Региональный компонент в системе исторического

образования учащихся и студентов: состояние и перспективы, опыт сотрудничества» (Калининград, 2002 год), «Образование для гражданского общества» (Калининград, 2003 год). Конференции дали возможность выявить общие направления и тенденции в развитии исторического образования, увидеть особенности реформирования системы в каждой отдельной стране. Если в конце 90-х годов XX века всех волновала учебная литература, создавались свои учебно-методические комплексы, включая учебники и рабочие тетради, то в первые годы XXI века больше внимания стало уделяться теоретическим и практическим вопросам преподавания истории.

Важное место в международном сотрудничестве занимают связи с различными фондами и организациями, прежде всего это Европейский фонд «Диалог» (Славомир Тецлав), а также Региональный центр европейской информации в Эльблонге (Станислав Войташек).

После распада Советского Союза начался поиск новой образовательной парадигмы исторического образования. Ученые-методисты России, Литвы, Латвии, Эстонии, Польши и других государств сначала пытались идти каждый своим путем. Скоро стало ясно, что в одиночку идти труднее, ошибки в образовании стоят очень дорого: их цена – будущее страны. Международное сотрудничество помогает преодолевать трудности и использовать опыт друг друга с целью создания эффективной системы исторического образования в условиях модернизации.

А.Д. Чумаков

**Шведско-русские отношения XVIII-XX вв.
в вузовских учебниках и пособиях**

Многообразные отношения Швеции и России, насчитывающие почти двенадцать столетий, издавна привлекали и продолжают привлекать внимание отечественных исследователей. Достаточно, например, вспомнить сюжеты, посвященные шведско-русским контактам, в классическом труде «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева. Интерес к истории Швеции, обусловленный длительными отношениями, геополитическими, экономическими, культурными и другими аспектами, нашел свое отражение в вузовских учебниках по отечественной и зарубежной истории, издававшихся в послевоенное время.

Вопросы шведско-русских отношений в вузовских учебниках рассматриваются неравномерно. Традиционно значительное внимание уделяется ранним контактам Швеции и России, норманнской проблеме, военно-политическим аспектам, относящимся к IX-XIV вв. Данное обстоятельство характерно для учебников, неоднократно издававшихся под редакцией М.В. Нечкиной и Б.А. Рыбакова, С.Д. Сказкина. Находят отражение отношения двух стран в период Ливонской войны, Смуты в России, царствования Алексея Михайловича.

Наиболее основательно в вузовских учебниках (А.Л. Нарочницкого, Н.И. Павленко) представлены события первой четверти XVIII в., когда в ходе Северной войны было сломлено шведское великодержавие и Балтийский вопрос был решен в пользу России. Надо отметить, что интерес к Балтийскому вопросу был стимулирован не только политикой, но и фундаментальными исследованиями Г. Форстена, Е.В. Тарле, выводы которых отразились в вузовских курсах.

События после Северной войны в шведско-русских отношениях представлены фрагментарно и сводятся в основном к военно-политическим событиям конца XVIII – начала XIX в., материалу о шведском нейтралитете после Венского конгресса.

Указанные недостатки, во многом объяснимые характером вузовских учебников, где шведско-русские отношения

рассматриваются в общем контексте международных отношений, компенсируются учебниками А.С. Кана по истории Скандинавских стран и особенно его учебным пособием «Швеция и Россия в прошлом и настоящем», который издан РГГУ в 1999 году. Важнейшее достоинство данного пособия – комплексность, многофакторность в охвате событий шведско-русских отношений. Учебник и пособие А.С. Кана преодолевают еще один недостаток – устраняют своеобразную нестыковку между специальными монографическими исследованиями (например, Е.В. Анисимова, Г.А. Некрасова и др.) и отражением их результатов в обобщающих вузовских курсах. Это обстоятельство делает картину шведско-русских отношений более многообразной, не сводит их только к военному противостоянию.

В полном объеме шведско-русские отношения нельзя объективно понять без привлечения шведской литературы, ее анализа, сравнения точек зрения. Данная работа начата издательством «Весь мир», переведшим на русский язык шведский вузовский учебник в 2002 году.

Г.М. Федоров

Геополитическое положение и современная стратегия развития Калининградской области

Эксклавное положение Калининградской области, ее пространственная изолированность от основной части страны предопределяет стратегию ее развития. Созданием здесь в начале 1990-х годов свободной экономической зоны «Янтарь», ставшей в 1996 году Особой экономической зоной, был взят курс на тесное экономическое сотрудничество с соседними странами. Экономика области стала более открытой вовне благодаря режиму свободной таможенной зоны – главному элементу зонального механизма. В области создано около

Региональная стратегия включает четыре базовых принципа:

- ;
- сотрудничество РФ и ЕС, СНГ и других стран мира, других регионов РФ;
- область как контактная территория России в Европе, где будут отрабатываться механизмы интеграции и взаимодействия РФ и ЕС в XXI веке;
- обеспечение российских военно-стратегических интересов.

Новые инициативы российской стороны в регионе позволяют ожидать соответствующей реакции западных соседей.

Н.И. Ермакова

К вопросу о международных научных связях ученых Кёнигсбергского университета

Особое место в истории Кёнигсбергского университета принадлежит развитию научных связей. Цель сообщения состоит в том, чтобы оценить характер и формы научного сотрудничества преподавателей медицинского факультета Альбертины во второй половине XVIII – начале XIX века. Большой вклад в исследование данной проблемы внесли К. Лавринович, Ю. Костяшов, Г. Кретинин и др. В своих трудах они отразили деятельность выходцев из Кёнигсберга, которые способствовали становлению и развитию Российской академии наук; рассказали о российских студентах, обучавшихся в Альбертине. Продолжая перечень стран, назовем Литву и Польшу, откуда были родом многие студенты медицинского факультета. Традиционным в то время было обучение в не-

скольких университетах. Так, студенты Альбертины могли продолжить свое обучение в шведском университете в Упсале.

Интернациональный характер носил и сам процесс преподавания. Учебники Хагена были опубликованы в Голландии и во Франции, они хранятся и в фондах Публичной библиотеки Петербурга. Для чтения курса лекций по химии он, в свою очередь, использовал научные труды француза Боме, шведского ученого Кронштедта и др. В его домашней библиотеке находились книги М.В. Ломоносова.

Важным научным центром, связанным с Кёнигсбергским университетом, была Рига. Именно здесь впервые издаются некоторые книги Канта. Существует сборник научных трудов «Кёнигсберг и Рига». На титульном листе одной из диссертаций профессора К.Г. Хагена мы читаем, что в качестве оппонента выступает профессор из Риги.

Одной из форм научных контактов было непосредственное общение. Выдающейся фигурой медицинского факультета был профессор А. Орловский, замечательный педагог и ученый. Для знакомства с его научным и практическим опытом в Кёнигсберг приезжал придворный лекарь польского короля Станислава Августа.

Особый интерес представляет изучение деятельности различных научных обществ. Преподаватели Альбертины избирались членами ученых обществ России. Так, профессор К.Г. Хаген в 1792 г. стал членом Вольного экономического общества, а в 1819 г. избран членом российского императорского фармацевтического общества в Петербурге. Профессора Бессель и Хаген были членами научного общества исследователей природы в Марбурге. В списке членов общества стоят и имена россиян: Эверсманн, горный мастер из Златоуста; Фишер, доктор медицины и философии, профессор истории естествознания из Москвы; Мейер, доктор и государственный советник из Петербурга; Гофман, профессор ботаники из Москвы; Раух, доктор медицины из Москвы. Ученых из Вильно и Стокгольма, Лондона и Неаполя, Парижа и Лунда, Генуи и

Балтийский регион в международных отношениях XVIII-XX вв.

Карлсруэ, Дублина и Вашингтона, Вены и Пешта, Праги и Портмунда, Хельсинки и Палермо, Кракова и Ниццы и других городов объединял интерес к науке.

История развития научных связей ученых Кёнигсбергского университета показывает, что основными формами сотрудничества ученых были: научные стажировки, обмен книгами, издание совместных трудов, членство в научных обществах, прием на обучение студентов из других стран.

Наука по своей сути интернациональна. В настоящее время Калининградский государственный университет поддерживает научные связи с вузами многих стран мира. Развитие этих контактов представляется важным и существенным и является фактором укрепления стабильности в регионе.

Сведения об авторах

, д-р ист. наук, профессор кафедры новой истории исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

(*Karsten Brüggemann*), преподаватель истории и немецкого языка в Нарвском колледже Тартуского университета.

, канд. ист. наук, декан исторического факультета, зав. кафедрой специальных исторических дисциплин Калининградского государственного университета.

, д-р ист. наук, зав. кафедрой всеобщей истории Орловского государственного университета.

, аспирант кафедры зарубежной истории и международных отношений Калининградского государственного университета.

(*Artur Drzewicki*), д-р, профессор Института международных исследований Вроцлавского университета.

, аспирантка Калининградского государственного университета.

, канд. ист. наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Калининградского государственного университета.

, д-р ист. наук, зав. кафедрой всеобщей истории Смоленского государственного педагогического университета.

, д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного педагогического университета.

, аспирант кафедры зарубежной истории и международных отношений Калининградского государственного университета.

, канд. ист. наук, зав. научным центром «Северная Европа: архивные и исследовательские проекты», Институт всеобщей истории РАН.

, д-р ист. наук, профессор кафедры зарубежной истории и международных отношений Калининградского государственного университета.

, д-р ист. наук, профессор кафедры истории Балтийского региона Калининградского государственного университета.

, канд. ист. наук, зав. кафедрой истории России Калининградского государственного университета.

, канд. ист. наук, зав. кафедрой истории Балтийского региона Калининградского государственного университета.

(*Eckhard Matthes*), д-р, исследователь, специалист по истории Калининградской области и Восточной Европы, г. Люнебург.

, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

, аспирантка Института всеобщей истории РАН.

, д-р ист. наук, профессор Брянского госуниверситета им. акад. И.Г. Петровского.

, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

, канд. ист. наук, директор Центра непрерывного педагогического образования Калининградского государственного университета.

, магистр истории, преподаватель кафедры социологии Даугавпилсского университета.

, аспирант кафедры истории Балтийского региона Калининградского государственного университета.

, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

, д-р, доцент кафедры истории Даугавпилсского университета.

, д-р ист. наук, зав. кафедрой зарубежной истории и международных отношений Калининградского государственного университета.

(*Philipp Ther*), д-р, профессор Европейского университета Виадрины, г. Франкфурт-на-Одере.

, канд. ист. наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Калининградского государственного университета.

(*Andrzej Topij*), д-р, профессор Института истории Быдгощской академии.

, д-р ист. наук, зав. сектором Института всеобщей истории РАН.

, зав. кафедрой социально-экономической географии и геополитики Калининградского государственного университета, руководитель научного направления БалтМИОНа.

, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Калининградского государственного университета.

, второй секретарь представительства МИД России в Калининграде.

Содержание

. . Балтийский вопрос в европейских международных отношениях XVIII-XIX вв.....	
. . Валленштейн и Швеция.....	
. . Швеция и война за испанское наследство.....	
. . Северная война как фактор европеизации России.....	
. . Балтийская торговля Почепской мануфактуры...	
. . Русская военная администрация и Кёнигсбергский университет (1758-1762 гг.).....	
. . Финляндский вопрос в политике России в XVIII – начале XIX в.....	
. . Скандинавские вопросы в политическом курсе Великобритании в начале XIX века.....	
. . Воспоминания участников кампании 1806-1807 гг. на территории Восточной Пруссии как источник изучения международных отношений начала XIX века.....	
. . Балтийский регион в эпоху наполеоновских войн (1805-1815 гг.).....	
. . Международное морское право в свете разорения Балтийского побережья России в годы Крымской войны	
. . Русско-пруссские соглашения 1764 года.....	
. . Германо-датский конфликт 1863-1864 гг. и позиция Дж. Брайта.....	
. . Остзейский вопрос в русской прессе и публицистике накануне и во время Франко-прусской войны 1870-1871 гг.....	
. . Восточная Прибалтика и русско-германские отношения 80-х годов XIX века.....	
. . Подготовка германско-пруссским Генштабом военных действий против России в Восточной Пруссии перед Первой мировой войной и сражение под Танненбергом.....	
. . «Немецкая опасность» в Прибалтике в правительственной политике и русском общественном мнении начала XX века.....	
. . Место польского вопроса во внешней политике Англии после Первой мировой войны.....	

. Война за мир и конец Белого движения.	
Эстонско-советские отношения перед Тартуским мирным договором 1919-1920 гг.....	
. . Кёнигсбергская Восточная ярмарка и СССР (по материалам ГАРФ).....	
. . Советский Союз и Литва в 1939-1940 гг. (по материалам АВПР).....	
. . Поездка В.М. Молотова в 1940 г. в Берлин и Финляндия.....	
<i>The Philip. Ethnic Cleansing in the Baltic region in the 20th century...</i>	
<i>Topij Andrzej. Latvia's German Minority in the Policy of the Third Reich.....</i>	
. . Аландские острова в контексте советской внешней политики в Балтийском регионе.....	
. . Советские и немецкие войны Второй мировой войны глазами жителей Латвии (по источникам устной истории)...	
. . Периодическая печать Латгалии в период немецкой оккупации.....	
<i>Matthes Eckhard. Das Problem der Konstituierung des Gebiets Kaliningrad in der deutschen Historiographie.....</i>	
. . Международные обусловленности принципов политики Польши и ФРГ в отношении к Калининградской области (1991–1994 гг.).....	
. . Калининградская тема в российско-литовских отношениях в период с 1990 по 2002 год.....	
. . Международные связи исторического факультета КГУ по проблемам исторического образования.....	
. . Шведско-русские отношения XVIII-XX вв. в вузовских учебниках и пособиях.....	
. . Геополитическое положение и современная стратегия развития Калининградской области.....	
. . К вопросу о международных связях ученых Кёнигсбергского университета.....	

**КАЛИНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**БАЛТИЙСКИЙ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИ-
ТУТ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК**

ИНСТИТУТ ИМ. ГЕРДЕРА (ФРГ)

ЕВРОПЕЙСКИЙ ФОНД «ДИАЛОГ»

**БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
XVIII-XX вв.**

**Тезисы международной научной конференции
Калининград, 10-11 октября 2003 г.**

**Издательство Калининградского государственного
университета
2003**

УДК
ББК

Балтийский регион в международных отношениях XVIII-XX вв.: Тезисы международной научной конференции, Калининград, 10-11 октября 2003 г. – Калининград: Изд-во КГУ, 2003.

. . .

Публикация тезисов осуществлена при поддержке фонда им. Роберта Боша и фонда им. Марги и Курта Мёлльгаард (Германия).

© Авторы, 2003 г.
© Калининградский государственный университет

